

II

СОЦИАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

А. Н. БАСКАКОВ

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Населяющие Россию тюркоязычные народы и этнические группы общей численностью более 11 млн человек образуют вторую после славянской этнолингвистическую группу населения страны. Многие из них являются титульными национальностями республик в составе Российской Федерации (РФ), в том числе в республиках Алтай, Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Якутия (Саха), Татарстан, Тыва, Хакасия, Чувашия. Значительная часть представителей тюркоязычных национальностей расселена за пределами своих республик дисперсно среди русского населения. На протяжении всей истории России тюркские народы играли важную роль в ее судьбах, тюркский компонент был весьма значимым в русском языке и культуре, и в настоящее время тюркские народы в РФ вместе с русским и другими народами принимают деятельное участие во всех сферах жизни страны.

Многие национальности в бывшем СССР, в том числе и тюркоязычные народы РФ, в 20–30-е годы получили автономию и реальные возможности для развития национальных культур и языков. До революции из 12 языков автохтонных тюркоязычных национальностей на территории современной РФ только пять языков – алтайский, татарский, чувашский, шорский и якутский – имели свою письменность, а остальные семь – башкирский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, хакасский, долганский и тофаларский – получили ее в советское время. На всех письменных тюркских языках было организовано начальное и среднее общее образование, начали функционировать средства массовой информации и учреждения духовной культуры. Применение тюркских языков в этих сферах и активная научно-организационная деятельность государства, которую осуществлял Научный совет Всесоюзного Центрального Комитета нового алфавита (ВЦКНА) при ЦИК СССР, способствовали структурному развитию этих языков, созданию и совершенствованию их письменности, лексико-терминологических и стилистических систем, нормализации их орфографии и орфоэпии. Благодаря этому в короткие сроки удалось решить ряд важных социокультурных проблем – ликвидировать по-

головную неграмотность национального населения, организовать национальную школу и создать социокультурную инфраструктуру в республиках, автономных округах и национальных областях страны.

Позитивное национально-языковое развитие тюркских и других народов СССР и РФ в 20–30-е годы замедлилось с середины 30-х годов, что связывается с изданием закона «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», с переходом на русскую графику большинства языков народов СССР, а также с переводом большинства национальных школ на русский язык обучения [Алпатов 1994, 38; Кузьмин 1993, 12]. К этому следует добавить изменение национально-языковой политики в СССР после Отечественной войны в сторону интернационализации на базе русского языка и культуры. Все эти факторы несомненно негативно отразились на развитии тюркских и прочих национальных языков, но главным из них представляется несоответствие этих языков по сравнению с русским языком общественным потребностям в большинстве сфер – в науке и культуре, экономике, промышленном производстве, образовании, обороне и пр., где возможно и целесообразно использование одного или ограниченного количества международных языков науки, техники и культуры, к числу которых принадлежит русский язык. В РФ русский язык является также родным языком абсолютного большинства населения (86,7%), а также основным языком межнационального общения.

В постсоветский период в связи с суверенизацией республик, принятием законов о языке, провозгласивших государственный статус тюркских и прочих языков титульных национальностей в республиках, с активизацией языкового строительства стало расти количество национальных школ, увеличилось издание печатной продукции и время радио- и телевидения на национальных языках, делаются попытки применения этих языков в сферах управления, делопроизводства, специального среднего и высшего образования. Тем не менее негативные процессы утраты родных языков тюркскими и прочими народами и этническими группами в РФ и переход их на русский язык продолжают. Особенно это касается малочисленных автохтонных тюркских народов – хакасов, долган, тофаларов и пр., а также многочисленных этнических групп – казахов, азербайджанцев, узбеков, киргизов, туркменов и пр. Постараться остановить или хотя бы замедлить эти процессы языковой ассимиляции в настоящее время, когда национально-языковая политика в РФ направлена на сохранение, защиту и развитие национальных языков, можно только после изучения реальных языковых ситуаций в республиках и регионах основного расселения этих народов.

В настоящей статье на базе данных переписей населения РФ 1970, 1979, 1989 и 1994 гг. и на основе наблюдений автора предпринята попытка проследить динамику и современное состояние языковой компетенции и языкового взаимодействия тюркских автохтонных и неавтохтонных национальностей и

этнический групп в РФ в зависимости от релевантных демографических, социальных и собственно лингвистических факторов.

Языковая компетенция тюркских национальностей в РФ

Языковая компетенция – владение языками своей национальности, русским языком и другими языками и их использование – различна у тюркоязычных народов и этнических групп в РФ и варьирует у тех или иных демографических и социальных групп под влиянием комплекса экстралингвистических факторов. Наиболее общие данные о владении языками дают переписи населения, однако ввиду их субъективного характера, основанного на самооценке респондентами своих языковых умений и предпочтений, можно установить главным образом количественные параметры социальной базы тех или иных языков, динамику их развития, относительный уровень владения языками и их взаимодействие.

На языковую компетенцию тюркских народов, как и других народов РФ, наибольшее влияние оказывают русский язык и русская языковая среда, обладающие практически во всех сферах общественной жизни этих народов. К важным демографическим и социальным факторам, также влияющим на языковую компетенцию этих народов, следует отнести их численность, компактный или дисперсный характер их расселения, городской или сельской тип расселения и соответствующую социальную стратификацию, наличие или отсутствие автономии, вероисповедание и культурную ориентацию, уровень и тип образования и род занятий. Зависимость языковой компетенции от указанных факторов может быть прослежена по таким показателям переписей, как соотношение признающих родным язык своей национальности, русский или другие языки, свободно владеющих этими языками среди городского и сельского населения, среди различных половозрастных групп, а также путем использования данных социолингвистических обследований различных социально-профессиональных групп национального населения.

Понятие «родной язык», определяемое в социолингвистике то как материнский или семейный язык, то как функционально первый язык, для большинства представителей тюркских и прочих национальностей связано с понятием «язык своей национальности» независимо от степени владения им и является основным показателем национальной принадлежности. Однако такие факторы, как социальная принадлежность, уровень и тип образования, способ расселения, рождение от смешанных браков, приверженность к языковому нигилизму существенно влияют на увеличение доли представителей тюркских, как и других, национальностей, у которых национальная принадлежность не совпадает с языком, признаваемым в качестве родного. Характерным примером такого несовпадения являются показатели опроса татарского населения Татарстана, в целом отличающегося высокой степенью на-

ционального самосознания. На вопрос «Какой язык Вы считаете для себя родным?» 66,5% опрошенных назвали татарский, 6,8% – русский и 26,1% – татарский и русский языки [Табейкина 1993, 198]. Между тем по переписи 1989 г., проведенной за четыре года до указанного опроса, родным в Татарстане признало татарский язык 96,6% проживающих там татар [Национальный состав ... 1990], а по экспертным оценкам свободно владеет татарским языком всего лишь 48,3% татар [Межэтнические ... отношения 1993, 12].

Как следует из таблицы 1, наиболее высокие показатели признания родными языков своей национальности (более 90%) наблюдаются у титульных национальностей, компактно проживающих на территории своих республик – у балкарцев, карачаевцев, кумыков, тувинцев, якутов. У многочисленных титульных национальностей – башкир, татар и чувашей, большинство или значительная часть которых дисперсно расселена за пределами своих республик, велика доля признающих родным русский или другие языки: 27% башкир, 15% татар, 21% чувашей. Самые низкие показатели признания родными языков своей национальности (от 40 до 60%) наблюдаются у миноритарных тюркских народностей и этнических групп – гагаузов, тофаларов, уйгуров, шорцев и пр.

Доля считающих родными языки своих национальностей в среднем на 5-10% выше у тех из них, кто имеет свои республики и проживает на их территории. Представители одного и того же этноса, проживающие в своих республиках и за их пределами в РФ существенно различаются в признании родных языков. Так, доля татар, признающих родным татарский язык и проживающих в Башкортостане, в Тюменской, Челябинской, Оренбургской и Пермской областях РФ, в среднем на 10-15% ниже, чем в Татарстане, а в Москве, Челябинске, Оренбурге и в ряде других крупных городов со значительным татарским населением признают родным татарский язык немногим более половины проживающих там татар.

За период 1979–1994 гг. доля признающих родными языки своих национальностей увеличилась или осталась прежней только у трети всех тюркских народов РФ, в том числе увеличилась у башкир на 6,9%, у алтайцев – на 1,8%, якутов – на 0,8%. У всех остальных тюркских народов и этнических групп эта доля сократилась за счет признания родным главным образом русского языка, в том числе сократилась у татар на 2,6%, у чувашей – на 4,5%, у хакасов – на 8,2%, у долган – на 23,8% и у уйгуров – на 25,2%.

Существенно различаются языковая компетенция и использование языков у городского и сельского населения одной и той же тюркской национальности. Доля признающих родным русский язык среди горожан этих национальностей значительно превышает такую долю среди сельского населения тех же национальностей.

Таблица 1

*Долевое соотношение национальностей в РФ,
считающих родными языки своих национальностей
русский и другие языки (в %)**

Национальности	Считают родным								
	язык своей нац-ти			русский язык			другие языки		
	1979	1989	1994	1979	1989	1994	1979	1989	1994
Все нац-ти РФ	95,1	94,6	94,6	4,6	5,1	4,8	0,3	0,3	0,3
Русские	99,9	99,9	100,0	-	-	-	0,02	0,02	0,0
Татары	88,1	85,6	85,5	11,6	14,2	14,1	0,2	0,2	0,4
Чуваши	82,9	77,5	78,4	17,0	22,3	21,4	0,1	0,2	0,2
Башкиры	66,9	72,8	73,8	6,1	10,1	9,8	27,0	17,1	16,4
Якуты	95,5	94,0	96,3	4,5	5,9	3,7	0,0	0,1	0,0
Кумыки	98,4	97,7	98,1	1,3	1,8	1,7	0,3	0,5	0,2
Тувинцы	98,8	98,6	98,5	1,2	1,4	1,5	0,0	0,0	0,0
Карачаевцы	98,4	97,8	98,4	1,5	2,1	1,6	0,1	0,1	0,0
Балкарцы	98,0	95,3	98,3	1,9	4,2	1,5	0,1	0,5	0,2
Хакасы	81,5	76,7	73,3	18,5	23,1	26,6	0,0	0,2	0,1
Ногайцы	90,6	90,4	88,3	2,1	2,9	3,9	7,3	6,7	7,6
Алтайцы	87,2	85,1	89,0	12,8	14,8	10,9	3,9	1,6	1,5
Казахи	91,1	87,9	85,8	8,5	11,5	13,6	0,4	0,6	0,6
Азербайджанцы	85,5	84,2	79,8	13,8	14,6	18,5	0,7	1,2	1,7
Узбеки	83,3	79,6	55,8	15,2	18,1	41,0	1,5	2,3	3,2
Киргизы	86,3	89,5	82,9	9,3	8,9	15,6	3,9	1,6	1,5
Туркмены	88,1	86,5	81,3	10,8	11,8	15,9	1,1	1,7	2,8
Шорцы	62,0	57,5	54,0	37,7	40,9	44,4	0,3	1,6	1,6
Крымские татары	85,5	89,4	62,2	8,7	9,7	17,4	5,8	0,9	24,0
Гагаузы	59,9	63,9	66,1	33,7	31,9	30,6	6,4	4,2	3,3
Турки	75,3	85,6	94,4	16,3	10,0	3,9	8,4	4,4	1,7
Долганы	90,6	80,4	66,8	9,3	15,4	14,1	0,1	0,6	1,9
Каракалпаки	80,5	73,9	64,0	12,8	22,4	31,6	6,7	3,7	4,4
Уйгуры	67,3	59,3	42,1	25,3	32,6	54,0	7,4	8,1	3,9
Тофалары	54,0	42,8	33,3	46,0	55,6	66,7	-	1,6	-
Караймы	6,8	10,7	-	92,0	87,7	92,3	1,2	1,6	7,7

* Сведения взяты из [Национальный состав ... 1990; Основные итоги... 1995].

Признают родным русский язык около 19% татар-горожан и только 5% сельских татар, соответственно 35% городских и 8% сельских чувашей, 18% городских и 3% сельских башкир, 34% городских и 8% сельских алтайцев. Еще более контрастны такие показатели у мичоритарных тюркских народностей, например, 51% городских и 8% сельских долган признают родным русский язык. Причинами признания русского языка родным значительной частью городского национального населения является его более интенсивная, чем в сельской местности, языковая ассимиляция под влиянием таких демографических, социальных и языковых факторов, как дисперсность расселения в численно преобладающей русскоязычной городской среде, занятость в сферах деятельности с использованием только русского языка, образование на русском языке, большая распространенность среди горожан смешанных браков, языковой нигилизм среди городской национальной молодежи. Имеет значение также фактор религиозной принадлежности тюркских национальностей, определенная часть которых, например, чувашаи, татары-кряшены, алтайцы, гагаузы, шорцы, хакасы, якуты – православного вероисповедания и более, чем в большинстве своем мусульманские тюркские народы, интегрированы в русскоязычную среду в сферах религии и духовной культуры.

Доля признающих кроме родных и русского языков какие-либо другие языки у тюркских национальностей незначительна и колеблется от 0,3% - 0,5% среди титульных и до 1,5-2,5% среди нетитульных народов. Исключения представляют башкиры, около 16% которых в Башкортостане признают родным близкородственный и более развитый татарский язык и около 7% ногайцев, признающих родным также близкородственный кумыкский язык.

Среди нетюркских национальностей РФ, признающих родными тюркские языки, следует отметить 82,5% эвенков, 54,3% эвенов, 28,1 юкагиров и 7,4% чукчей, живущих в Якутии и считающих родным якутский язык [Аргунова 1992, 78].

За последние десятилетия доля тюркских национальностей, признающих родными какие-либо третьи языки, практически не изменилась и близка к средним показателям по РФ. Среди сельских жителей такая доля в 2-3 раза больше, чем среди горожан тех же национальностей.

Высокий общественный статус русского языка в РФ и численное преобладание русскоязычного населения, составляющего вместе с этническими русскими и представителями других национальностей, признающих родным русский язык, 86,7% всего населения страны (на 1989 г.), обусловили широкое распространение русского языка среди тюркских национальностей в РФ, 60-80% которых свободно владеют русским языком как вторым. Наибольшая доля владеющих русским языком (70-80%) отмечается у татар, чувашей, башкир, большинство или значительная часть которых дисперсно расселена по всей Федерации преимущественно в городах и занята в сферах деятельности с русским языком. Также велика доля владеющих русским языком у ми-

норитарных тюркских народностей алтайцев, хакасов, балкарцев, долган, шорцев и пр. Несколько меньше (60-65%) доля владеющих русским языком у народов, компактно расселенных в своих республиках в большинстве своем в сельской местности, например, у тувинцев и якутов. Динамика роста свободно владеющих русским языком представителей тюркских национальностей за период 1970-1994 гг. весьма велика, и доля владеющих русским языком среди татар, кумыков, тувинцев, якутов за указанный период в среднем увеличилась на 25-30% и среди башкир, алтайцев, карачаевцев, ногайцев и хакасов – на 20%. При этом значительно выровнились доли владеющих русским языком городских и сельских жителей этих национальностей.

Доля владеющих кроме родных и русского языков какими-либо другими языками среди тюркских народов сравнительно невелика несмотря на государственный статус языков титульных тюркских национальностей. Так, в Татарстане только 3,6% чувашей владеют государственным татарским языком, в Башкортостане 0,2% татар и 0,7% чувашей владеют башкирским языком, в Чувашии 8,2% татар владеют чувашским языком. В среднем доли владеющих третьими языками среди сельского населения в 2-3 раза выше, чем среди городского населения тех же национальностей.

От 20% до 30% большинства тюркских народов и около 40% тувинцев, киргизов и шорцев одноязычны и владеют либо родными, либо русским языками.

Типы языковых контактов в тюркоязычных республиках РФ

Преобладание одноязычного русского этноса, наличие значительного ... количества русскоязычных представителей других национальностей, также не владеющих вторыми языками, и некоторого количества одноязычных этносов, владеющих только своими национальными языками, обусловили наиболее широкую социальную базу одноязычных жителей РФ. На долю двуязычных и многоязычных приходится приблизительно не более 10-12% всего населения страны. Естественно, что доля двуязычных представителей национальностей и межъязыковые контакты наиболее велики и интенсивны в республиках и регионах с многонациональным населением.

Наибольшая доля двуязычных представителей населения приходится на республики с наиболее неоднородным этническим составом (Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия), а также республики со значительной долей социально активного городского населения титульных национальностей (Татарстан, Чувашия, Башкортостан), занятого в сферах с использованием родных и русского языков (образование, массовая коммуникация, культура, обслуживание).

Таблица 2

*Долевое соотношение тюркоязычных национальностей, владеющих русским и другими языками народов РФ (в %)**

Нац-ти	Свободно владеют							
	русским языком				другими языками			
	1970	1979	1989	1994	1970	1979	1989	1994
Татары	62,2	68,7	72,7	76,1	0,3	0,3	0,4	0,5
Чуваши	58,6	65,4	65,9	68,9	1,3	1,1	1,0	0,9
Башкиры	52,9	64,9	72,6	75,3	0,9	0,9	1,2	1,9
Якуты	41,6	55,6	65,0	81,6	0,1	0,1	0,1	0,6
Кумыки	57,4	72,7	74,7	86,9	0,8	0,6	0,7	0,5
Тувинцы	38,9	59,3	59,1	63,4	0,0	0,0	0,2	0,1
Карачаевцы	68,0	76,0	79,8	89,1	0,4	0,2	0,2	0,2
Балкарцы	73,9	78,1	80,3	87,1	0,8	0,5	0,6	0,5
Хакасы	65,8	68,6	67,3	71,1	0,2	0,2	0,4	0,4
Ногайцы	68,7	76,2	79,7	54,2	0,5	0,5	0,7	3,8
Алтайцы	55,2	69,2	65,6	73,4	0,3	0,1	0,3	0,1
Казахи	70,4	77,3	78,3	81,6	0,4	0,3	0,7	0,6
Азербай- джанцы	57,9	70,0	67,5	73,9	1,4	0,9	1,4	1,5
Узбеки	74,6	73,0	68,2	54,2	2,9	2,1	3,0	3,8
Киргизы	78,7	76,5	54,6	53,2	4,4	2,3	2,9	1,9
Туркмены	70,1	71,4	76,5	64,9	1,9	1,9	1,7	2,3
Шорцы	60,3	53,2	53,6	52,5	0,2	0,3	0,6	1,0
Крымские татары	88,3	84,3	83,6	78,9	0,8	0,9	1,3	1,7
Гагаузы	68,0	62,7	62,9	60,9	4,7	4,4	4,4	4,0
Турки	48,6	59,3	68,3	84,2	8,0	7,6	4,4	2,3
Долганы	62,7	73,6	68,3	74,6	0,1	0,1	0,5	0,3
Кара- калпаки	68,9	72,3	68,1	66,6	9,6	5,9	3,1	1,8
Уйгуры	71,5	69,5	60,5	44,5	5,6	4,6	6,6	6,0
Тофалары	49,6	51,9	39,2	—	0,1	1,7	1,6	—
Караимы	6,4	6,4	9,1	7,7	9,4	6,3	8,5	15,4

* Сведения взяты из [Национальный состав... 1990; Основные итоги... 1995].

Таблица 3

*Доля двуязычных представителей населения тюркоязычных республик РФ (в %) **

Республики	Доля двуязычных**	Из них используют		
		нац.-русск. дв.	Русск.- нац. дв.	Нац.-нац. дв.
Татарстан	44,6	42,7	1,1	0,8
Чувашия	53,6	50,1	2,2	1,3
Башкортостан	46,4	44,0	0,9	1,4
Дагестан	63,9	62,1	—	1,8
Кабардино-Балкария	53,5	52,5	0,3	0,7
Карачаево-Черкесия	46,3	45,0	0,3	1,0
Алтай	27,3	26,0	0,5	0,8
Хакасия	13,7	12,2	0,9	0,6
Тыва	40,2	39,4	0,2	0,6
Якутия (Саха)	34,2	29,8	2,2	2,2

* Сведения взяты из [Национальный состав ... 1990].

** Учитываются двуязычные представители разных национальностей, двуязычие которых включает один или два тюркских языка (данные 1989 г.).

В наименьшей степени двуязычие распространено в республиках с малыми долями титульных национальностей и преобладающим русскоязычным населением (Алтай, Хакасия), где доля двуязычных составляет менее трети всех коммуникантов этих национальностей.

Наиболее распространенным типом двуязычия в республиках с титульными тюркскими национальностями является тюркско-русское, охватывающее в среднем 60-80% этих национальностей и более 60% всех языковых взаимодействий. Тюркско-русское двуязычие используется во всех коммуникативных сферах при различных формах контактирующих языков и их стилистических разновидностей в зависимости от сфер и целей общения, речевых ситуаций и языковой компетенции билингвов. Самая широкая социальная база у билингвов с разным уровнем владения родными тюркскими и русским языком. Как правило, билингвы-горожане хуже владеют родными тюркскими языками и лучше русским языком. Носители такого двуязычия принадлежат к разным социально-профессиональным и половозрастным группам и могут быть и горожанами с высоким образовательным и культурным уровнем, и сельскими жителями с низким образовательным уровнем и слабым владением литературными нормами родных и русского языков (так

называемые полуязычные). Доля таких билингов составляет более 80-85% всех носителей тюркско-русского двуязычия. Значительно уже социальная база билингов, владеющих литературными нормами родных тюркских языков и, как правило, литературным русским языком. Такой билингвизм практически повсеместно в республиках имеет групповой характер и его носителями являются лица со средним и высшим гуманитарным образованием, полученным на родных и русском языках, занятые в сферах образования, массовой коммуникации, управления, науки, культуры и искусства. Доля таких билингов в среднем не превышает 15-20% всех двуязычных той или иной национальности.

Распространенность русско-тюркского двуязычия среди русского населения тюркоязычных республик РФ невелика (см. табл. 4) и в среднем составляет 0,73% при общем показателе русско-национального двуязычия по стране 0,6% [Национальный состав... 1990]. Данный тип двуязычия распространен главным образом среди сельского и в меньшем масштабе среди городского старожильческого русского населения республик, чаще в местах его дисперсного расселения с тюркоязычным населением, встречается при смешанных браках и применяется преимущественно в сферах бытового общения и сельского хозяйства. Как правило, тюркский компонент такого двуязычия выражен просторечной или диалектной формой. Русско-тюркское двуязычие с литературной формой тюркского компонента имеет индивидуальный характер, и им владеют отдельные работники сфер образования, массовой коммуникации, гуманитарных наук, деятели культуры и т.п.

Национально-национальное двуязычие по своей распространенности превышает русско-национальное двуязычие и приблизительно составляет 3-4% всех типов языковых взаимодействий в тюркоязычных республиках. Как видно из таблицы 4, доли представителей тюркоязычных и прочих национальностей, владеющих вторым языком народов РФ, существенно различаются, что зависит от многих социолингвистических факторов: степени родства языков, длительности контактов, статуса взаимодействующих языков, социально-профессиональной принадлежности билингов и пр. Наиболее массовой разновидностью такого двуязычия, оба компонента которого выражены родственными тюркскими языками, принадлежащими иногда к одной и той же подгруппе, является башкирско-татарское и татарско-башкирское двуязычие, оба компонента которого принадлежат к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Принадлежность к кыпчакской группе кумыкского, карачаево-балкарского и ногайского языков, к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы хакасского и шорского языков обуславливают легкость взаимодействия этих языков и возможность использования двустороннего (пассивного) двуязычия, при котором билингвы говорят каждый на своем языке и при этом понимают друг друга.

Таблица 4

*Основные типы двуязычия и доля двуязычных (в %) среди отдельных национальностей в республиках РФ с титульными тюркскими языками**

Республика, национальность	Типы двуязычия			
	тюрк.-рус.	рус.-тюрк.	тюрк-тюрк.	нац.-тюрк.
Татарстан				
татары	тат.-рус. 77,2	рус.-тат. 1,1		
русские				
чувашы	чув.-рус. 71,4		чув.-тат. 3,7	
башкиры	баш.-рус. 76,8		баш.-тат. 6,3	
марийцы				мар.-тат. 9,9
мордва				мор.-тат. 0,7
удмурты				удм.-тат. 13,1
Башкортостан				
башкиры	баш.-рус. 73,9	рус.-баш. 0,2		
русские				
татары	тат.-рус. 76,8		тат.-баш. 0,2	
чувашы	чув.-рус. 70,4		чув.-баш. 0,7	
марийцы				мар.-баш. 0,2
мордва				мор.-баш. 0,2
удмурты				удм.-баш. 0,6
Чувашия				
чувашы	чув.-рус. 69,2	рус.-чув. 2,5		
русские				
татары	тат.-рус. 61,3		тат.-чув. 8,2	
марийцы				мар.-чув. 4,0
мордва				мор.-чув. 0,9
Дагестан				
кумыки	кум.-рус. 74,3	рус.-кум. 0,5		
ногайцы	ног.-рус. 77,0		ног.-кум. 0,3	
аварцы				авар.-кум. 0,5
русские				
Кабардино- Балкария				
балкарцы	бал.-рус. 82,5	рус.-бал. 0,1		
кабардинцы				каб.-бал. 0,1
русские				

Карачаево-Черкесия				
карачаевцы	кар.-рус. 79,7		кар.-ног. 0,15	
черкесы				чер.-кар. 0,1
русские		рус.-кар. 0,2		
Алтай				
алтайцы	алт.-рус. 67,3			
русские		рус.-алт. 0,6		
казахи	каз.-рус. 67,8		каз.-алт. 2,2	
Хакасия				
хакасы	хак.-рус. 72,4			
русские		рус.-хак. 0,1		
шорцы	шор.-рус. 61,1		шор.-хак. 2,0	
Тыва				
тувинцы	тув.-рус. 58,3			
русские		рус.-тув. 0,6		
хакасы	хак.-рус. 53,6		хак.-тув. 2,7	
буряты				бур.-тув. 1,0
Якутия (Саха)				
якуты	як.-рус. 65,1			
русские		рус.-як. 1,4		
народы Севера				
чукчи				
эвенки				эв.-як. 2,7
эвены				эвн.-як. 12,4
юкагиры				юк.-як. 15,8

* Сведения взяты из [Национальный состав... 1990].

С принятием в тюркоязычных республиках языкового законодательства и с объявлением государственного статуса титульных тюркских языков открываются перспективы для развития как тюркско-тюркского, так и национально-тюркского двуязычия.

Другой разновидностью национально-национального двуязычия является национально-тюркское, при котором носители нетюркских языков в тюркоязычных республиках владеют титульными тюркскими языками и применяют их. Это представители финно-угорской языковой семьи – марийцы, мордва и удмурты в тюркских республиках Волго-Вятского, Поволжского и Уральского районов РФ, владеющие татарским, башкирским и чувашским языками, представители иберийско-кавказской языковой семьи – аварцы, кабардинцы,

черкесы и пр. в республиках Северо-Кавказского района РФ, владеющие кумыкским, карачаево-балкарским и ногайским языками, наконец, это представители тунгусо-маньчжурских, монгольских и изолированных языков – эвенки, эвены, юкагиры, буряты и пр. в тюркских республиках Западно- и Восточно-Сибирского и Дальневосточного районов РФ, владеющие тувинским и якутским языками. При широкой географии распространения и разнообразии видов такого двуязычия (в таблице 4 приводятся отдельные его разновидности) его применение ограничено традиционными для него сферами бытового общения, неквалифицированной трудовой деятельности и обслуживания. Разновидности такого двуязычия сложились давно на территориях совместного проживания тюркских и прочих народов и этнических групп и до настоящего времени существуют главным образом в форме просторечия и диалектов взаимодействующих родственных тюркских и прочих языков. С принятием языкового законодательства в тюркских республиках и за их пределами для такого типа двуязычия открылись перспективы развития в сферах образования, массовой коммуникации и духовной культуры в литературной форме взаимодействующих языков.

В тюркоязычных республиках РФ нет такого контраста в языковой компетенции и особенно во владении русским языком, как в республиках Средней Азии, где доля владеющих русским языком горожан автохтонных национальностей в несколько раз превышает таковую в сельской местности [Баскаков и др. 1995, 27]. В республиках с преобладающим или значительным национальным городским населением (Татарстан, Башкортостан), а также в республиках с преобладающим сельским населением титульных национальностей (Тыва, Якутия) доля горожан титульных национальностей, использующих тюркско-русское двуязычие, превышает долю сельских жителей тех же национальностей не более чем на 15-20%. В республиках со значительным сельским русскоязычным населением доля таких билингов титульных национальностей в сельской местности даже превышает таковую в городах на 5-7% (Чувашия, Хакасия) или эти доли равны (Алтай).

Русско-тюркское двуязычие во всех тюркоязычных республиках РФ более распространено в сельской местности, а доля владеющих тюркскими языками сельских русских жителей в среднем в три раза больше доли русских горожан, владеющих этими языками. Это объясняется длительными контактами старожильческого сельского русского населения с автохтонными тюркскими народами, в результате чего русским сельским населением усваивались не только тюркские языки, но и многие элементы материальной и духовной культуры этих народов. Следует, однако, отметить, что русско-тюркское, как и тюркско-тюркское и национально-тюркское двуязычие, более распространенные в сельской местности, складываются стихийно и их компоненты в большинстве случаев выражены в форме диалектов и говоров контактирующих русского и тюркских языков.

Численное преобладание татар, составляющих половину всех тюркоязычных народов РФ, их высокая социальная активность и дисперсность расселения по всей территории страны, наиболее высокий статус татарского языка среди других тюркских языков народов РФ обусловили преобладание двуязычия с компонентным татарским языком (более 20% всех типов двуязычия с тюркскими языками), не только в Татарстане, но и далеко за его пределами, например, сибирские татары используют татарский литературный язык в письменной форме. В Дагестане в качестве средства межэтнического общения кроме русского и аварского языков используется также кумыкский язык и национально-кумыкское двуязычие. В Якутии среди представителей народностей Севера – эвенов, эвенков, юкагиров – кроме русского языка средством межнационального общения служит якутский язык.

Многоязычие с компонентами – тюркскими языками не имеет такой широкой национальной и социальной базы, как двуязычие, и носит чаще групповой и локальный характер. Наиболее типичным является трехязычие, реже четырехязычие, с родным тюркским языком, вторым – русским языком и третьим (или третьим и четвертым) – близкородственным тюркским или двумя тюркскими языками или же тюркским и нетюркскими языками. Например, татарско-башкирско-русское трехязычие в Башкортостане, чувашско-татарско-русское трехязычие в Татарстане, ногайско-кумыкско-русское – в Дагестане, казахско-алтайско-русское – на Алтае, эвенкийско-якутско-русское – в Якутии. В большинстве своем полилингвы владеют одним, реже двумя (родным и русским), языками в их литературной форме, а остальными в форме диалектов или говоров. Коммуникативное пространство многоязычия ограничено сферами бытового общения, обслуживания, неквалифицированного труда. В тюркских республиках носителями многоязычия чаще являются представители нетитульных тюркских и прочих национальностей и этнических групп, сохранившие навыки владения родными языками. С принятием языкового законодательства в республиках, предусматривающего, в частности, массовое обучение государственным языкам и сохранение и защиту языков других национальностей, открываются перспективы для некоторого расширения социальной базы многоязычия. В настоящее время многоязычие с литературными формами взаимодействующих языков в тюркоязычных республиках наблюдается в сферах образования, массовой информации и духовной культуры. В таких, например, крупных и многонациональных республиках, как Татарстан, Башкортостан, Чувашия, начальное и среднее общее образование осуществляется на ряде языков народов, представители которых проживают в этих республиках, также на этих языках издается периодика, транслируются радио- и телепрограммы.

Итак, в соответствии с приведенными в настоящей статье данными переписей населения РФ в 1970, 1979, 1989 и 1994 гг. у большинства тюркоязычных народов и этнических групп продолжают сокращаться социальная база

родных языков и увеличиваться доля признающих родным русский язык и доля двуязычных со вторым русским языком (см. табл.1). В то же время доля русских и прочих национальностей, владеющих государственными тюркскими языками, не увеличивается – вопреки языковому законодательству, действующему в республиках и предписывающему обязательное изучение этих языков гражданами республик любых национальностей, а также их применение в большинстве сфер деятельности. Из этого следует, что экстенсивное развитие социальной базы и коммуникативного пространства государственных тюркских языков в современных условиях этнодемографической и языковой ситуаций в республиках не дало желаемых результатов. Эти языки не получили заметного распространения ни среди титульных национальностей и русскоязычного населения, ни в большинстве сфер общественной жизни республик, например, в сферах управления и делопроизводства, специального среднего и высшего образования, экономики и производства, науки, транспорта и связи. Некоторые достижения в развитии функций тюркских языков можно отметить в традиционных сферах их применения: в начальном и среднем общем образовании, массовой коммуникации и духовной культуре, где увеличилось количество школ с обучением на тюркских языках и контингент учащихся в них, возросло количество различных изданий на этих языках и увеличилось время радио- и телепередач на них, активизировалась деятельность учреждений культуры в республиках и за их пределами.

Однако эти скромные успехи не решают проблемы титульных и прочих тюркских языков. О каком развитии социальной базы и функций этих языков можно говорить, если в такой массовой и наиболее эффективной сфере обучения языкам, как национальная общеобразовательная школа, на родных языках обучается всего 15-25% татарских, башкирских, чувашских, хакасских, 30% кумыкских, 50% алтайских школьников, а доля учащихся на родных языках школьников нетитульных тюркских народов и этнических групп еще меньше. Лишь в отдельных республиках, например, в Тыве и Якутии, на родных языках обучается до 70% тувинских и якутских детей [Баскаков 1996, 47]. Большинство школьников указанных тюркских национальностей обучается в русских школах и в лучшем случае изучает родные языки как отдельный предмет учебной программы. Поэтому необходимо интенсивное развитие общего среднего образования на государственных тюркских языках и привлечение значительно большего количества учащихся, в первую очередь титульных национальностей (70-80% их общего количества) в национальную школу. До тех пор, пока государственными языками в их литературной форме не будет свободно владеть абсолютное большинство граждан республик титульных национальностей, применение этих языков для выполнения их официальных функций не представляется возможным.

- Алпатов В.М.* Общественное сознание и языковая политика в СССР (20 – 40-е гг.) // *Язык в контексте общественного развития.* М., 1994.
- Аргунова Т.В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). Якутск, 1992.
- Кузьмин М.Н.* Национальная школа в России: традиции и современность в контексте модернизации // *Труды института национальных проблем образования.* Вып. 1. М., 1993.
- Табейкина Е.К.* Ценностные ориентации студенчества в национальном вопросе // *Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан.* Ч.2, Казань, 1993.
- Национальный состав населения РСФСР по данным всесоюзной переписи населения в 1989 г. М., 1990.
- Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М., 1995.
- Баскаков А.Н., Насырова О.Д., Давлатназаров М.* Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. М., 1995.
- Баскаков А.Н.* Тюркские языки в системе народного образования в Российской Федерации // *90 лет Н.А.Баскакову.* М., 1996.
- Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Т.1, Казань, 1993.

М.И. ИСЛЕВ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИИ (АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ)

Прежде всего хочется обратить внимание на тот факт, что в современной социологии существует ряд терминов, которые используются не всегда дифференцированно. К ним относятся понятия: «социолингвистика», «социология языка», «этнолингвистика», «этиология языка», а также производные от них несколько усложненные «этносоциология языка», «этносоциолингвистика» и др.

В связи с этим можно сделать по крайней мере три замечания. Во-первых, очевидна содержательная близость друг к другу указанных терминов (понятий). Во-вторых, их дефиниции не совсем четко разграничены. В-третьих, исследователи обычно не останавливаются на сугубо теоретических проблемах и переходят к анализу конкретного материала. О последнем, кстати, свидетельствует и тот факт, что в одной и той же работе порой можно встретить параллельное использование некоторых из приведенных терминов.

Для большей наглядности приведем несколько дефиниций из одного и того же источника – «Краткого этнологического словаря» (М., 1994).

Социолингвистика (лат. *societas* 'общество' + фр. *linguistique* 'языкознание') – языковедческая научная дисциплина, в рамках которой изучаются социальные факторы существования, функционирования и развития языков.

Социология языка – область социологии, изучающая взаимоотношение языка и общества. В ней исследуются: выражение в языке социальных, классовых, профессиональных и иных различий, отражение в языковых явлениях социальных процессов; социальные функции языка, роль языка в обеспечении социального контроля и в осуществлении массовой коммуникации. СЯ интегрирует две линии научного анализа: с одной стороны, лингвисты анализируют воздействие социальных факторов функционирования и развития языка, с другой – роль языка в межличностных отношениях и поведении человека в быту и обществе. СЯ, таким образом, – междисциплинарная область социологии и лингвистики, близкая к понятию *социолингвистика*.

Этнолингвистика (гр. *ethnos* 'народ' + фр. *linguistique* 'языкознание') – научная дисциплина, находящаяся на стыке с этнографией и изучающая взаимоотношения между этносом и языком. Предмет Э включает также такие отрасли гуманитарного знания, как социолингвистика, паралингвистика, этнология; охватывает область этногенеза и *этнической истории*, а также этноязыковые процессы, как внутренние, так и происходящие при межэтнических контактах, роль языка в формировании и функционировании этнических общностей и т. п.

Несмотря на несовпадение дефиниций важнейших этносоциолингвистических понятий у разных авторов, все же представляется важным продолжение дальнейшего анализа самой этой проблематики. Более того, сейчас созданы, на мой взгляд, оптимальные условия для подобной деятельности ученых нашей страны.

Напомню, что лет десять тому назад мы были под прессом «официальных точек зрения» и «установок». Это не могло не влиять на характер анализа теоретических проблем.

Конец 80-х годов ознаменовался новым поворотом. Значительная часть ученых устремилась в другую крайность, отрицая чуть ли не все основные достижения, которых добились советские ученые в области решения теоретических и практических вопросов языкового развития в нашей многонациональной стране. По-видимому, необходимо еще раз вернуться к характеристике важнейших периодов истории социолингвистики, которая во многом опирается на плоды деятельности советских ученых.

В этой связи наиболее благодатна история языкового планирования в нашей стране, богатая событиями и делящаяся на ряд этапов (периодов), не получивших до сих пор адекватной оценки.

Обычно специалисты выделяют три основных этапа языкового строительства в СССР: 1) усовершенствование старых алфавитов; 2) переход абсолютного большинства письменностей народов страны на латиницу и созда-

ние письменностей для народов, не имевших их до революции; 3) переход абсолютного большинства письменностей на кириллицу (русскую графическую базу).

Однако более подробное рассмотрение вопроса позволяет уточнить эту периодизацию и выделить по крайней мере шесть основных этапов, каждый из которых характеризуется определенными специфическими чертами.

Первый этап представляет процесс совершенствования старых, существовавших еще до революции алфавитов. В 20-е годы определенные изменения были внесены почти во все существовавшие письменности.

Второй этап языкового строительства составляет деятельность ученых по переводу алфавитов многочисленных народов страны (использовавших в основном арабскую графику) на латинскую графическую базу. Это было вызвано объективно тем, что, несмотря на известное усовершенствование, многие письменности на арабской (как и, кстати, на древнееврейской и древнеуйгурско-монгольской) графике все еще были сложными и в известной мере тормозили деятельность властей и ученых по ликвидации безграмотности широких кругов населения. Следует также отметить, что правящая коммунистическая партия преследовала и идеологические цели – ослабить религиозные узы, связывающие советские народы с исламским миром зарубежья.

Как бы то ни было, работники науки, культуры и просвещения на местах поставили вопрос о необходимости латинизировать письменности, и с 20-х – до конца 30-х годов почти все национальные письменности в СССР были переведены на латинскую графическую базу.

В качестве самостоятельного, третьего этапа выделяется работа по созданию письменности для ранее бесписьменных народов. Деятельность ученых в этот период (20-30-е годы) характеризуется рядом особенностей – поиск опорного диалекта для каждой национальной письменности, установление фонологических, орфографических и прочих норм для новых литературных языков и др.

Последние два этапа хронологически друг от друга не могут быть отделены достаточно четко, поэтому их часто рассматривают вместе. Тем не менее выделение их можно мотивировать особенностями содержания каждого из них.

Несомненно выделение в качестве самостоятельного, четвертого этапа переход большинства письменностей народов СССР на кириллицу (русскую графическую основу), произошедший в 30-е годы.

Пятый этап (1940-1979) характеризуется поисками путей дальнейшего усовершенствования алфавитов и орфографий, усилением работы по составлению новой многоотраслевой терминологии, разработкой вопросов культуры родного языка, а также русской речи и нерусского населения национальных республик, областей и округов.

Наконец, в качестве шестого этапа несомненно выделяются так называемые «переломные годы» (1990-1995), о которых будет сказано более подробно ниже.

За последние годы перестроечные страсти в области языкового планирования несколько утихают. Как и в других областях общественной жизни, постепенно верх начинают брать позитивные, конструктивные моменты, сужающие поле для разрушительных тенденций. Да и финансово-экономическая несостоятельность в России и других постсоветских государствах сама по себе ограничивает дальнейшее расширение «лингвистической перестройки».

В этой более спокойной обстановке своего уточнения требует оценка отдельных этапов истории языкового строительства в нашей многонациональной стране, так как в отличие от прошлых десятилетий мы имеем возможность высказывать более объективные суждения по тем или иным проблемам. В то же время не стоит впадать в другую крайность и видеть одни негативные моменты в богатейшей истории языкового планирования в СССР.

Больше всего специалисты расходятся в оценках второго, четвертого и шестого этапов истории языкового планирования в нашей стране.

Оценивая процесс латинизации письменностей (второй этап) одни специалисты преимущественное внимание уделяют субъективным и идеологическим факторам. По их мнению, руководители страны преследовали чисто политические цели – разорвать духовные связи советских народностей с народами зарубежных стран. Не принимается во внимание тот непреложный факт, что многочисленные наши народности свою письменность строили на базе довольно сложных арабской, древнеуйгурской и древнееврейской график, которые к тому же не в полной мере отражали фонетические особенности конкретных языков. Это становилось тормозом на пути распространения всеобщей грамотности населения.

В более объективной оценке нуждается также этап языкового строительства, существо которого составляет переход письменностей народов СССР (абсолютного их большинства) на кириллицу. Если в советское время этот этап характеризовался лишь положительно, то в оценках последних лет превалирует одни отрицательные нотки.

В этом нельзя не видеть отсутствие исторического подхода. На самом же деле помимо стремления правящих кругов к форсированию общих моментов в культурной жизни всех народов страны существовали также некоторые сугубо объективные факторы.

К их числу прежде всего относится процесс складывания лексико-терминологического фонда, общего в своей основе для большинства языков народов СССР. Источником этого фонда служили и все еще служат многочисленные заимствования из русского языка и через него. Как правило, они оседали в отдельных языках в несколько русифицированной форме. С другой

стороны, русский язык, как язык межнационального общения, стал обязательным предметом программы всех национальных школ.

С учетом всего этого переход на единую графическую базу (кириллицу), конечно же, послужил известным облегчением в обучении как родному, так и русскому языку в национальной школе

Особой проблемой является объективное истолкование языковой политики в постсоветский период.

Истоки основных этносоциолингвистических проблем этого периода, до сих пор не получивших адекватной оценки, надо искать в процессах суверенизации, происходивших в нашей стране на рубеже 80-90-х годов. При всей необходимости изменения языковой политики, на характер и темпы языковой реформы этого периода не могла не повлиять общественно-политическая обстановка в стране: крайняя политизированность общества, борьба различных групп за власть, ломка всех структур государства, принятие многочисленных решений, непродуманных и научно не обоснованных.

Что касается языковой реформы, то в период «перестройки» на первый план вышли внешние факторы языкового планирования. Это объясняется тем, что в пору «суверенизации» бывших республик Союза СССР языковые вопросы полностью были использованы центробежными силами общества.

В этом плане наиболее характерным явлением можно считать придание языкам титульных наций статуса «государственных».

Известно, что в конституциях двух союзных республик – Грузии и Армении – языки титульных наций – грузинский и армянский – изначально считались «государственными». В 1978 г. и в конституции третьей закавказской советской республики – Азербайджана – появилось положение о том, что азербайджанский язык является государственным на всей территории Азербайджанской советской социалистической республики.

Надо отметить, что подобные юридические нормы в то время провозглашались чисто формально, поскольку все республики многонациональны и параллельно с языками титульных народов в качестве языка-посредника функционировал русский как язык межнационального общения.

Другое дело, языковая реформа конца 80-х – начала 90-х годов, когда языки титульных наций союзных республик были провозглашены «государственными». Эта мера была направлена на поднятие социального статуса соответствующих языков. Но характер ее проведения и навязываемые темпы сразу же вызвали двойное противостояние – вертикальное: союзные республики – союзный центр, и горизонтальное: титульная нация – нетитульные национальные меньшинства.

Оба эти противоречия значительно усугублялись в ходе «митинговой демократии», что привело к многочисленным потерям как социально-политического, так и чисто экономического характера.

Вслед за союзными республиками «эпидемия огосударствления» языков распространилась на автономные республики (и даже области).

Надо прямо сказать, что если в первом случае указанный процесс способствовал распаду СССР, то во втором случае объективно он работает на ослабление целостности Российского государства, с одной стороны, и усиление неравенства между «титульными» и «нетитульными» нациями – с другой.

К тому же и для развития самих языков их «титулирование» мало что дает. Дело в том, что вместо кропотливой научно-практической деятельности в области языкового планирования усилия ученых направлены на решение сугубо политических проблем.

В то же время не активизируется деятельность ученых-специалистов в области дальнейшего усовершенствования алфавитов и орфографий, орфоэпических и морфологических норм литературных языков, составления необходимых пособий, словарей, грамматик и т. п.

Все сказанное говорит о том, что не может быть однозначной оценки постсоветской эпохи языкового планирования в России и Евразии (территории бывшего СССР). В то же время осмысление всего процесса языкового строительства важно не только с точки зрения прояснения будущих путей языкового планирования в нашей стране. Следует помнить, что к нашему богатому опыту языкового строительства десятилетиями прикован интерес во многих многонациональных странах, сталкивающихся с аналогичными проблемами. Поэтому нам самим необходимо прежде всего разобраться в своем языковом хозяйстве, с тем, как мы с ним обращались в разные периоды нашей истории.

Г. Б. КРЮЧКОВА

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ – ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ)

Лексическая система языка наиболее активно по сравнению с другими уровнями отражает внеязыковую реальность, непосредственно реагируя на все изменения, происходящие в этой реальности. Тем не менее и внутри этой системы есть достаточно стабильные участки, которые в течение столетий остаются неизменными или меняются незначительно, что, собственно говоря, позволяет языку служить средством общения между представителями не только одного поколения, но и разных поколений, а также являться средством накопления и передачи знаний. В то же время существуют лексические подсистемы, которые либо находятся в постоянном развитии (например, разного рода жаргоны), либо переживают периоды бурного изменения в некоторые временные моменты. К последним относится, в частности, общественно-политический словарь, который бывает относительно устойчив в стабильные

периоды политической жизни и претерпевает порой кардинальные изменения в периоды социальных потрясений и революций. В эти моменты связь между социальными и языковыми изменениями прослеживается наиболее наглядно, и не случайно, что именно эти периоды бытования различных языков обычно привлекают внимание ученых. Здесь можно упомянуть широко известные работы П. Лафарга, Р.А. Будагова и К. Державина, посвященные французскому языку периода Великой Французской революции, а также труды Е.Д. Поливанова и А.М. Селищева, в которых исследовались изменения, произошедшие в русском языке после Октябрьской революции 1917 г.¹

В 1991 г. в нашей стране произошли социально-политические перемены, сопоставимые по масштабам с 1917 г. Естественно, что они повлекли за собой и интенсивные языковые изменения, часть которых уже описана в специальной литературе, другая ждет своего исследователя. Но мы сейчас хотим остановиться на другом периоде развития русского языка, а именно периоде перестройки, т.е. небольшом с точки зрения истории языка промежутке времени с 1985 по 1991 г., в течение которого тем не менее произошли весьма значимые социальные перемены, получившие свое отражение в языке, в первую очередь в общественно-политическом словаре.

Прежде чем непосредственно обратиться к особенностям этого словаря в указанный период, постараемся определить само это понятие, а также выяснить, почему эта подсистема так живо реагирует на изменения в общественной жизни. Нам представляется, что общественно-политический словарь — это совокупность двух множеств: общественно-политической терминологии (ОПТ) и общественно-политической лексики (ОПЛ). Анализ языковых единиц, которые обычно исследуют лингвисты в качестве общественно-политической терминологии, привел нас к выводу, что это часть терминологии общественных наук, обозначающих идеологически релевантные понятия, прежде всего те, что имеют неодинаковое содержание в рамках различных концептуальных систем.

Терминология различных общественных наук представлена в ОПТ в неодинаковой степени, и это отражает взаимоотношение идеологии и разных отраслей гуманитарного знания. К ОПТ относится значительная часть терминологии философии и общих теорий общественных наук, а также некоторая часть терминологии специальных областей конкретных общественных наук, например истории, этнографии, лингвистики и др. В разных социальных условиях доля ОПТ в общей совокупности терминологии общественных наук

¹ Другим излюбленным объектом исследования этой проблемы был немецкий язык в ГДР и ФРГ. Здесь как бы сама история поставила очень чистый эксперимент: один язык обслуживал две разные общественно-политические системы. Учитывая, что эти страны были связаны общим историческим прошлым, языковая репрезентация социальных и политических различий их настоящего давала благодатный материал для сопоставлений.

не одинакова. В языках, бытовавших в социалистических странах, она была представлена значительно шире, чем в языках, функционирующих в западных обществах, в частности, в первых в отличие от вторых была идеологизирована существенная часть экономической терминологии.

Следует подчеркнуть, что само выделение категории ОПТ было характерно для исследователей из социалистических стран. В традициях языковедов и философов других стран было принято изучать особенности языков отдельных отраслей общественных наук, не выделяя ОПТ в качестве особого объекта. Отметим, что работы эти достаточно немногочисленны. Особое внимание ими уделялось в основном анализу номинаций, обозначающих наиболее распространенные понятия из сферы политики, философии и т. п. в процессе их функционирования за пределами языка науки, чаще всего в ходе политического противостояния различных партий. Не будем сейчас обсуждать, насколько целесообразно использование понятия ОПТ в современных условиях функционирования русского языка, поскольку нас интересует другой временной отрезок, где, как нам кажется, оно еще очевидно сохраняло свою актуальность.

Общественно-политическая лексика выделяется из словарного состава языка по тому же принципу, что и любое семантическое поле. Объединяет это множество общий семантический признак «относящийся к общественно-политической жизни». ОПТ включает в себя наиболее употребительную часть ОПТ в том ее виде, в каком она функционирует вне языка науки, названия различных государственных, партийных и иных инстанций, социальных институтов, наименования социальных реалий и явлений общественной жизни разных стран, а также политические жаргонизмы.

Семантическая структура общественно-политического термина довольно существенно отличается от той, которая характерна для естественно-научного или технического термина. Обусловлено это, с одной стороны, некоторыми особенностями социальных понятий, с другой – существованием различных идеологических систем.

Как известно, одним из основных признаков терминов является семантическая определенность. В их значениях представлены наиболее сущностные признаки обозначаемых явлений и объектов действительности в объеме познания. Это свойство термина является языковой репрезентацией различий между научными и обыденными понятиями. Но социальные понятия отличаются от понятий естественных и технических наук тем, что при исследовании природы со временем меняется в основном глубина познания, сам объект относительно стабилен, а социальная действительность находится в постоянном движении, развитии. Эта особенность в определенной степени ограничивает возможность фиксации в социальном понятии всех существенных признаков отражаемого объекта, по-видимому, здесь запечатлеваются только самые стабильные из них. В тех случаях, когда социальное понятие оказыва-

ется идеологически релевантным, на его структуру может оказать влияние и факт искажения действительности под влиянием определенных групповых, классовых, национальных и других интересов, что ведет к образованию достаточно неопределенных понятий, которые, естественно, не могут обозначаться терминами в традиционном понимании этого слова. Таким образом, неопределенность части общественно-политических терминов отражает неопределенность соответствующих социальных понятий. Такие обозначения по своим семантическим характеристикам ближе к словам общего языка, для которых неопределенность значения является естественным свойством, чем к терминам.

Важным требованием, предъявляемым к термину, является однозначность. Выполнить его в полном объеме обычно не удастся. Практически во всех терминологических системах встречаются случаи концептуальной, междоотраслевой, категориальной и регулярной многозначности. Все эти типы многозначности характерны и для ОПТ. В принципе такого рода многозначность легко элиминируется контекстом, и терминологи не предпринимают особых усилий для ее устранения. Но кроме них в рассматриваемой нами системе встречаются еще две разновидности полисемии. Во-первых, как и другие термины общественных наук, элементы ОПТ часто имеют широкое и узкое значение, причем из непосредственного контекста не всегда удается выяснить, в каком именно значении употреблено слово, что приводит к трудностям в интеграции текста. Однако избавиться от такой полисемии довольно сложно, так как она является результатом специфического развития социальных понятий. Чаще всего употребление таких терминов сопровождается комментарием, например, культура (в широком смысле) и т. п. Во-вторых, значения многих общественно-политических терминов подвержены идеологической дифференциации. Идеологически обусловленная многозначность не является результатом имманентного развития языка, а отражает на языковом уровне особенности описываемых общественно-политическими терминами понятий, поэтому она обладает рядом специфических свойств, отличающих ее от обычной многозначности. Так, значения многозначного идеологизированного слова не являются позиционно обусловленными. Как результат этого идеологически обусловленная многозначность не устраняется контекстом. Значения, характерные для словарей разных идеологий, не обладают диффузностью, т.е. не может происходить их совмещение. И наконец, значения идеологизированных терминов «приписаны» к определенным группам носителей языка.

В принципе по многим параметрам идеологическая дифференциация близка к концептуальной. Но тем не менее между ними нельзя поставить знак равенства. Концептуальная дифференциация осознается только специалистами данной области знания. При переходе термина, подверженного такой дифференциации, в общий язык сохраняются, как правило, только сема или

семы, общие для значения термина в разных концептуальных системах, либо бытовое значение оказывается вообще мало связанным с научным, тогда в нем тем более не могут быть отражены концептуальные расхождения. При переходе же в общий язык термина, подверженного идеологической дифференциации, особенно если язык обслуживает социумы с противоборствующими идеологическими воззрениями, как это было, например, с немецким языком в ГДР и ФРГ, или функционирует в обществе, где господствует идеологический монизм, жестко противопоставленный иным идеологическим концепциям, что было характерно для большинства социалистических стран, на первый план выступают не интегральные, а дифференциальные семы, т.е. идеологическая дифференциация сохраняется, а порой и усиливается. В этой связи нам кажется, что понятия «идеологическая дифференциация значения» и «идеологическая многозначность» релевантны преимущественно в сфере общественно-политических терминов, которые одновременно являются и элементами ОПЛ. Дифференциация же, например, значительной части узкоспециальной философской терминологии по признаку идеалистический/материалистический, который сам по себе, безусловно, имеет идеологический характер, вполне укладывается в рамки концептуальной дифференциации понятий.

Одной из сущностных характеристик идеологического освоения действительности является оценочность. Как лингвистическое следствие этого большинству общественно-политических терминов в отличие от естественнонаучных и технических присуща модальная функция. В принципе всякая оценочность как элемент семантической структуры слова есть отражение экстралингвистической реальности, вернее, отношения носителей языка к этой реальности. Тем не менее идеологическая оценочность в своих проявлениях на уровне языка имеет определенные особенности. Так, если неидеологизированное слово включает оценочный компонент значения, то он, как правило, является одним и тем же в языковом сознании всей массы носителей языка и достаточно стабилен в ходе исторического развития. А оценочный компонент идеологизированного слова может существенно варьировать в зависимости от идеологических позиций различных групп говорящих. Зачастую одни и те же термины в терминосистемах разных идеологий различаются именно оценочными компонентами.

Особое влияние на развитие и функционирование ОПТ и ее взаимодействие с ОПЛ оказывает идеологический монизм/плюрализм. Безусловно, наряду с этим параметром общественной жизни на указанные процессы воздействуют и другие социальные факторы – уровень образования населения, степень соответствия господствующей идеологической концепции интересам основной массы носителей языка и др.

Если обратиться к общественной жизни Советского Союза, то следует констатировать, что с конца 20-х годов в сфере идеологии утвердился суще-

ственно догматизированный марксизм. Из общественной жизни исчезли научные и теоретические дискуссии. В качестве научных текстов безусловно рассматривались материалы партийных съездов, пленумов, речи политических деятелей. Именно в них зачастую вводились новые термины, которые затем входили в обиход ученых-обществоведов. В сфере ОПТ это привело к исчезновению концептуальной дифференциации. Таким образом, многие общественно-политические термины стали в некотором смысле даже более однозначными, чем термины естественных и технических наук. Общественно-политические термины имели строго фиксированные дефиниции, хотя при этом некоторые из них все равно характеризовались семантической неопределенностью, значения их были малоподвижны, а их изменения происходили не постепенно, как это обычно бывает, а скачкообразно: на каком-либо очередном съезде, пленуме или в выступлении на мероприятии генерального секретаря КПСС то или иное социальное понятие могло быть подвергнуто определенной трансформации, что изменяло и значение термина.

Все годы существования страны шел процесс распространения ОПТ, отражавшей ключевые понятия господствующей идеологической концепции. Осуществлялось это через учебные заведения разного уровня, где обязательно читались курсы обществоведческих дисциплин, систему политехучебы, которая функционировала практически на всех предприятиях, в учреждениях и военных частях, средства массовой коммуникации. В результате всей этой деятельности основная масса носителей языка усваивала общественно-политические термины как совокупность неких сущностных характеристик соответствующего социального понятия. Этому способствовал также высокий в целом по стране образовательный уровень населения. Правда, система «пропаганды и политико-воспитательной работы» достаточно эффективно закрепляла наиболее значимые понятия и соответствующие термины и в сознании носителей языка с низким уровнем образования. Так, в ходе проведенного нами в 1978 г. опроса колхозников одного из хозяйств Иссик-Кульской области (для большинства которых русский язык даже не являлся родным) практически все информанты уверенно объясняли значение слова «социализм» следующим образом: когда нет эксплуатации, когда все принадлежит народу и т.п., т.е. выделяли признаки обозначаемого социального понятия, которые в тот момент считались наиболее важными и в системе научного познания.

Таким образом, ОПТ терминологического происхождения по своим характеристикам имела много сходства с ОПТ. Она была преимущественно однозначна, в значениях ее элементов фиксировались признаки, которые рассматривались как определяющие в системе господствующей идеологии.

Однако тот факт, что в мире существуют различные идеологии, причем идеология, господствовавшая в течение десятилетий в нашей стране, находилась в состоянии жесткой конфронтации по крайней мере с совокупностью

достаточно разнообразных концепций и течений, объединяемых под названием «буржуазная идеология», неизбежно накладывал свой отпечаток на общественно-политический словарь русского языка. Ведущие понятия буржуазной идеологии, подвергавшиеся постоянной критике, должны были как-то передаваться средствами русского языка. Аналогичная проблема возникала и при переводе общественно-политических текстов с иностранных языков на русский. Перед переводчиком или автором, допустим, критического обзора работ буржуазных идеологов стояла двойная задача: не только перевести такие единицы с иностранного языка на русский, но и каким-то образом отразить их идеологическую наполненность. В таких случаях в научной литературе обычно давалось примечание переводчика или редактора, в котором раскрывалось содержание того или иного термина, а в оригинальном тексте особенности терминологии либо оговаривались в предисловии, либо каким-то образом разъяснялись по ходу изложения, либо уточнялись в сносках. Сложнее обстояло дело с ОПЛ. Ведь в газете не дашь сноску с объяснением, в каком именно значении употреблено слово. Но и здесь был выработан ряд приемов, позволяющих устранить возможное искажение смысла, связанное с идеологически обусловленной многозначностью. Например, слова и словосочетания «свобода», «демократия», «свободный обмен», «права человека», употребляемые в «идеологически чуждых» контекстах, заключались в кавычки. В данном случае кавычки служили своеобразным маркером, позволяющим отличить одно идеологически связанное значение слова от другого. Для того чтобы показать, что те или иные слова употребляются не в том значении, в каком их привыкли воспринимать советские читатели, часто использовался и такой прием: перед идеологически релевантными словами, употребляемыми относительно реалий буржуазной жизни или понятий буржуазной идеологии, давалось словосочетание «так называемый». Иногда оно подкреплялось заключением соответствующих слов в кавычки. Например, «Вопрос, а можно ли верить кабинету тори, лидеры которого страсть как любят порассуждать о так называемом “открытом” и “закрытом” обществе, неожиданно для них самих был поставлен в минувшее воскресенье еженедельником “Обсервер”» («Комсомольская правда», 08.05.85, с.3).

В толковых словарях все дефиниции общественно-политических терминов, естественно, давались с позиций господствующей идеологии, причем во многих случаях они почти буквально совпадали по крайней мере с начальной частью определения соответствующего понятия в энциклопедических словарях. Идеологическая дифференциация общественно-политических терминов отражалась в энциклопедических словарях, где, как правило, наряду с определением социального понятия, предлагаемым марксистско-ленинской идеологией, которое, естественно, рассматривалось как общезначимое и верифицируемое, давалась и его трактовка в рамках буржуазной идеологии, которая сопровождалась соответствующими оценочными комментариями.

Таким образом, даже в условиях идеологического монизма имплицитно существует многозначность элементов ОПТ и ОПЛ терминологического происхождения. Но значения, не характерные для господствующей идеологии, актуализируются гораздо реже, встречаются в специфических контекстах и обычно тем или иным способом маркируются. Другие элементы ОПЛ менее детерминированы социальными условиями, в которых они функционируют. Их характеристики во многом схожи и в обществах, где господствует идеологический монизм, и в плюралистических обществах.

Основной переменной, произошедшей в общественной жизни в период перестройки, можно считать отход официальной идеологии от догматизированного марксизма и разрешение свободных дискуссий, касающихся основ этой, еще недавно не подлежащей обсуждению, общественной теории. Эти социальные инновации существенно повлияли как на общую структуру ОПТ и ОПЛ, так и на свойства входящих в эти системы элементов. Прежде всего возникла сильная концептуальная дифференциация ОПТ, являющаяся отражением на языковом уровне острых научных дискуссий по поводу содержания многих социальных понятий. Приведем в качестве примера различные определения, предлагавшиеся советскими философами, историками и экономистами в ходе обсуждения нового облика этой общественно-экономической формации: (1) «Социализм – это рожденный Октябрем общественный строй, в котором общечеловеческие ценности, достижения цивилизации поставлены на службу человеку, его высокому положению в обществе, его счастью» («Правда», 09.10.89, с.3); (2) «Социализм – это строй, который освобождает человека от эксплуатации и гнета, ставит его в центр общественной жизни, создает предпосылки для свободного развития каждого при условии свободного развития всех» («Правда», 16.07.89, с.3); (3) «Новый облик социализма, рождающийся в ходе перестройки, имея трудовой характер, освобождается от уравнилельно-иждивенческих отношений, становится открытым плюралистическим обществом, где каждый человек, группа или класс получают право участвовать в осуществлении власти, гласно высказывать свое мнение» («Правда», 2.12.89, с.3); (4) «Социализм – это преобладание общего над частным, коллективного над индивидуальным, управляемого над стихийным» («Литературная газета», 18.04.90, с.10); (5) «Социализм свелся к трем характеристикам. Это госсобственность в экономике, однопартийная тоталитарная власть, господство единой марксистско-ленинской идеологии» («Литературная газета», 30.01.91, с.5).

Четыре первые дефиниции объединены одной общей чертой – отсутствием констатации формы собственности, лежащей в основе социализма, т.е. признака, являвшегося в течение длительного времени основополагающим при определении общественных формаций. В пятом определении этот признак зафиксирован, но в иной, чем это было в советской литературе, форму-

лировке («госсобственность» вместо «общественная собственность»), что означает новое видение и новую оценку экономического устройства страны.

Первое и второе определения имеют еще один общий признак: внимание к интересам личности, репрезентированный лексемами «общечеловеческие ценности, достижения цивилизации поставлены на службу человеку», «ставит его (человека) в центр общественной жизни», «создает предпосылки для свободного развития каждого при условии свободного развития всех». Второе определение содержит также признак «свободный от эксплуатации», что фиксировалось и в традиционном определении социализма. Следует отметить, что и первая, и вторая дефиниции достаточно неопределенны. В третьем определении отражено больше признаков понятия «социализм»: 1) «имеющий трудовой характер»; 2) «свободный от уравнилельно-иждивенческих отношений»; 3) «открытый»; 4) «плюралистический»; 5) «демократический». В принципе рассмотренные три определения не противоречат друг другу. При любом из предложенных толкований слово «социализм» имеет позитивный оценочный компонент значения.

Пятая дефиниция дается с совершенно иных позиций, при этом она вполне определенная и четко структурирована. Слово «социализм» имеет ярко выраженный негативный оценочный компонент значения (в явном виде «сигнализирует» об этом элемент «тоталитарный», содержащийся в дефиниции).

Четвертое определение фиксирует признаки, не представленные ни в дефинициях 1–3, ни в дефиниции 5. Оно также достаточно четко структурировано, но все-таки не является таким определенным, как дефиниция 5. В нем нет явных признаков, позволяющих установить оценочный компонент значения. В зависимости от идеологических взглядов носителей языка он может быть различным, а именно: приверженцы ортодоксального марксизма-ленинизма оценят понятие, имеющее такую дефиницию, и соответственно обозначающее его слово, позитивно, представители иных идеологических воззрений – негативно. На примере восприятия этого толкования особенно очевидны взаимосвязи между общественным сознанием и языком. Пятью годами раньше слова «общий», «коллективный» в русском языке несли в себе как элементы общественно-политического словаря явно выраженную позитивную эмоциональную окрашенность, поэтому никаких разночтений этой дефиниции возникнуть не могло.

Следует отметить также, что, если первые три значения слова «социализм» можно интерпретировать как концептуальные варианты, то пятое по отношению к ним уже находится в явно идеологической оппозиции (кстати сказать, оно самое позднее, и его можно рассматривать как предвестник кардинальных изменений общественно-политического лексикона, которые произойдут в течение следующего года).

Характерно, что все дискуссии, которые касались содержания основополагающих для страны общественно-политических понятий, велись не только в узконаучных кругах, но и в средствах массовой информации, и сильно политизированное в основной своей массе население проявляло к ним большой интерес. Поскольку на уровне бытового сознания не могут быть в полном объеме восприняты все нюансы концептуальной дифференциации понятий, то происходило их размывание. На языковом уровне это выражалось в том, что многие элементы ОПЛ терминологического происхождения просто утратили то достаточно определенное значение, которое они имели раньше. При этом следует отметить, что параллельно с описанным процессом продолжала функционировать система создания и распространения ОПТ, действовавшая до начала перестройки. Новые термины вводились в речах генерального секретаря ЦК КПСС, в партийных документах и затем распространялись через систему политучебы, систему массовой коммуникации с сохранением объема значения. Так, например, на вопрос: «Как Вы понимаете, что такое гласность?», респонденты давали следующие ответы: «свобода слова; говорить то, что думаешь; правдивая и честная информация обо всем; свобода критики недостатков, отсутствие запретных для критики тем, должностей и лиц; все, что мешает жить, нужно обсуждать; свободный доступ к информации о жизни общества для всех граждан; возможность выразить свое мнение в печати, на собраниях и т.д.» Не смогли ответить на вопрос 21,2% всех опрошенных. Наибольшее число не ответивших было среди лиц с неполным средним образованием.» («Аргументы и факты», 1988, № 8). Таким образом, 4/5 опрошенных «с улицы» высказали сходное представление о понятии «гласность», а тем самым и о значении соответствующего слова.

В связи с подвижками в господствующей марксистской идеологии, которые начались с 1985 г., многие из элементов ОПЛ, раньше употреблявшиеся в русском языке только с соответствующими маркерами, перестали рассматриваться как принадлежащие к словарю буржуазной пропаганды и начали использоваться без кавычек и словосочетаний типа «так называемый». В качестве примера можно привести слово «правозащитный». В советское время это слово употреблялось в значении «относящийся к буржуазной пропаганде защиты прав человека» (Новое в русской лексике. М., 1984, с.174), но, судя по составляющим его корням, можно было решить, что оно имеет смысл «правовая защита» (по аналогии с правоохранительной), кавычки же должны были предупредить читателя, что это слово из лексикона идеологических противников. В 1990 г. слово это уже применялось к реалиям жизни СССР и имело позитивно окрашенное значение: «16 марта в Москве состоялась организационная встреча по созданию комитета советской общественности по правам человека и международному гуманитарному сотрудничеству. В ней приняли участие активисты правозащитного движения, народные депутаты СССР, деятели культуры и науки ...» («Известия», 17.03.90, с.10). И наоборот,

эти способы стали часто использовать, чтобы отмежеваться от идеологических концептов периодов сталинизма и застоя. Ср.: «По-моему, совершенно на то не претендуя, этот самый Восленский раскрыл тайну фантастической прочности “развитого социализма” перед лицом загнивающего капитализма» («Огонек», 1989, № 40, с.4).

Из сказанного видно, что в период перестройки, который в сфере идеологии характеризовался постепенным отходом от идеологического монизма, жесткой конфронтации с идеологическими концепциями стран Запада, а в сфере политической жизни – формированием различных политических движений, ОПТ и ОПЛ также претерпели весьма существенные изменения, которые опосредованно отразили инновации социальной действительности.

В Ю МИХАЛЬЧЕНКО

ЗАКОНЫ О ЯЗЫКАХ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

В многонациональном Советском Союзе не было законодательных актов, посвященных юридическому регулированию языковой жизни страны. Создатель советского государства В.И. Ленин считал, что обязательный государственный язык – это насилие, принуждение. В СССР общегосударственным языком фактически был русский язык – язык большинства населения, одновременно являющийся языком международного общения. В то же время в той или иной степени функционировали языки народов СССР, которые применялись в разных сферах общения соответствующих народов. Основной формой организации языковой жизни многонациональной страны было национально-русское двуязычие. Однако историки, социологи, этнографы выдвинули идею о едином советском народе, в связи с чем много внимания стали уделять русскому языку, а развитию национальных языков оказывалось недостаточно внимания. Поэтому в годы перестройки многие народы, особенно титульные нации союзных республик, стали выражать свое недовольство уровнем развития социальных функций национальных языков. Начались поиски новых путей решения языковых проблем.

В мировой практике многонациональных государств приняты разные способы организации языковой жизни. Одни страны предпочитают не определять в конституциях или отдельных законодательных актах официальный государственный язык, а другие прибегают к законодательному закреплению правил речевой практики в сферах организованного общения (делопроизводство, образование, книгоиздательская деятельность, функционирование средств массовой коммуникации и др.). Так, по данным канадского ученого Дж. Тури, большинство стран мира предпочитают

решать свои языковые проблемы законодательным путем: из 147 обследованных им стран в конституциях 110 содержались статьи, касающиеся языка. В последние годы наметилось усиление тенденции законодательного регулирования речевой практики. В частности, предполагается разработка законов о языках в ряде стран, в которых раньше таких законов не было (Вьетнам, Китай). В 14 штатах США приняты законы о языках, придающие юридический статус английскому языку.

В эту общую тенденцию развития вписались процессы языкового законодательства в республиках бывшего СССР. Процесс законодательного регулирования языковой практики в СССР начался в 1989 г. с принятия закона о языках в Эстонской ССР [Михальченко 1991; Михальченко, Пиголкин 1991]. В основу республиканских законов о языках легли следующие теоретические положения: 1) общество стремится к одноязычию; 2) двуязычие вредно; 3) жизненность (витальность) языка определяется количеством выполняемых им функций; 4) каждый язык должен обладать максимумом функций. Таким образом, в конституциях и законах о языках в большинстве республик статус государственного языка был придан независимо от конкретных этнических условий только *одному* языку – языку той или иной титульной нации.

На территории бывшего СССР преобладает однокомпонентная модель законов о языках, не учитывающая национальный состав населения той или иной республики, способы расселения жителей той или иной национальности и другие социальные факторы. Освоив международный опыт правового регулирования языковой жизни, республики бывшего СССР проигнорировали тот факт, что каждая страна в зависимости от этноязыковых условий создает свою, собственную модель правового регулирования: Канада – два языка государственных (английский и французский), Бельгия – три официальных языка (французский, нидерландский, немецкий); Швейцария – три официальных языка (немецкий, французский, итальянский). Такая модель, допускающая ряд языков с определенным юридическим статусом, называется *плюралистической*. Другая модель – *унифицирующая*, т.е. направленная на утверждение одного общего языка при вытеснении всех остальных (Франция, Германия). Языковые конфликты наиболее вероятны при реализации унифицирующей модели языковой политики, так как она предполагает вытеснение языков, не имеющих юридического статуса, из разных сфер жизни, что ведет к деградации этих языков и языковому дискомфорту соответствующих языковых общностей [Михальченко 1994, 221-235]. Наиболее сложна проблема языкового дискомфорта русских, которых в странах СНГ 25 млн человек, и русскоязычных – 5 млн. Они составляют наиболее значительные языковые общности наряду с представителями титульных наций республик (Молдова, Казахстан, Эстония, Украина и др.). Именно игнорирование языковых прав русских общностей

привело к появлению открытых, явных, острых языковых конфликтов (например, Молдова) и языковых конфликтов, протекающих в форме гражданской дискриминации русскоязычных жителей (например, республики Балтии, Украина, республики Средней Азии). Вооруженный конфликт в Приднестровье начался через несколько дней после того, как один из руководителей русского населения в Молдове закончил консультации по поводу закона о языках Молдавской ССР в Верховном Совете СССР. Конфликт, конечно, начался не только из-за языка, но переименование молдавского языка в румынский, срочный переход на латиницу, краткие сроки (4 года), отведенные на реализацию закона о языках, – все это в совокупности послужило поводом, стимулом для борьбы населения Приднестровья за отделение от Молдавии. Научно-исследовательский Центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН часто выступает в качестве коллективного эксперта Правительства, Государственной Думы, Конституционного суда Российской Федерации по национально-языковым отношениям. Представителя русских из Приднестровья по закону о языках Молдавии приходилось консультировать мне. Больше всего его интересовали вопросы о соотношении государственного языка Молдавии с русским, о функциях русского языка в Молдавии и о сроках реализации закона. К сожалению, мои разъяснения представителя русских не убедили...

В мировой практике существуют примеры изменения языковой ситуации, перехода больших масс населения с одного языка на другой, однако такие идеи реализуются не в течение 4–8 лет, эти процессы могут длиться десятилетиями, столетиями. Например, исследователи отмечают, что даже при наличии финансов и проведении интенсивных мероприятий по внедрению индонезийского языка в качестве государственного в Индонезии процесс этот завершится почти век спустя после его провозглашения таковым в 1945 г. [Кондрашкина 1994, 115-120].

Причинами языковых конфликтов в республиках бывшего СССР, на наш взгляд, являются следующие: 1) несоответствие концепций законов о языках языковой ситуации в том или ином государстве; 2) игнорирование языковых прав национальных меньшинств; 3) форсирование реализации этих законов в сложных экономических условиях; 4) использование законов о языках для отказа в гражданстве и соответствующих гражданских правах (право участвовать в выборах, иметь собственность, обучаться на родном языке и др.). Таким образом, на территории бывшего СССР законы о языках, призванные совершенствовать языковую жизнь многонациональной страны, из-за несоответствия их концепций реальным условиям и из-за торопливости фактически становятся причиной языковых конфликтов.

Наиболее мирным, бесконфликтным мог быть «нулевой» вариант реализации законов о языках: все пожилые люди, изучающие

государственный язык, поощряются морально и материально, а перед обучающимися ставится альтернатива – хорошо изучить этот язык, иначе у них не будет социальной перспективы.

Решению проблемы могло бы помочь введение многокомпонентной модели закона о языках. В настоящее время статус русского языка в республиках бывшего СССР различен:

(1) В Российской Федерации и Белоруссии русский язык имеет статус государственного языка. Таким образом, в этих республиках наблюдается государственное двуязычие – русский + национальный язык. В Конституции Казахстана русский язык назван официальным языком, который применяется наряду с казахским языком.

(2) В законодательных актах большинства республик русский язык называется старым термином – «язык межнационального общения». В 1989–1990 гг. этот термин был в текстах законов о языках Украины, Молдавии, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана. В этих республиках русский язык фактически не имеет никакого юридического статуса, так как язык межнационального общения применяется в межличностном неофициальном общении людей разных национальностей, а это сфера частной жизни (спонтанного общения), которая юридическому регулированию не подлежит.

(3) В законодательных актах республик Балтии 1989 г. упоминалось о том, что русский язык может функционировать при обращении русских в госучреждения, в переписке, при переводе законов, при проведении мероприятий внутри республики (Литва), возможно общение на официальном уровне, публикуются законодательные акты, местное делопроизводство можно вести на русском языке (Эстония). Следует отметить, что в республиках Балтии законы о языках менялись в сторону вытеснения русского языка из разных сфер общения и замены его республиканским государственным языком. Таким образом, юридическим статусом русский обладает только в Российской Федерации, Белоруссии и Казахстане, хотя его фактический статус (распространение среди населения, использование в ряде сфер общения) достаточно высок [Белоусов 1997, 18; Белоусов, Григорян 1996]. Во всех остальных случаях, даже если он упомянут в законодательном акте, статуса он не имеет.

Такое правовое положение русского языка вызывает языковой дискомфорт у 30 млн русских и русскоязычных жителей СНГ и создает основу для возникновения языковых конфликтов. Недовольство вызывают следующие тенденции, характерные для большинства республик бывшего СССР:

– в сфере функционирования в СНГ и странах Балтии русского языка как *международного языка*: сокращение функций русского языка в данной

сфере, следствием чего является сокращение его преподавания нерусским жителям, а также представителям титульной нации в школах и вузах:

– в области функционирования русского языка *в качестве языка русских языковых общностей*:

1) сокращение возможностей для обучения на родном языке, отсутствие в ряде республик перспектив применения этого языка в разных сферах общения;

2) попытки вытеснения русского языка из языковой жизни русской языковой общности и замены его местным государственным языком.

Лишь в области функционирования русского языка *в сфере межнационального общения* не произошло значительных изменений, так как язык для межличностного и межнационального общения выбирается свободно и правовому регулированию не подлежит.

Следует отметить, что языковая политика стран Балтии не одобрится Евросоюзом и Европарламентом, деятели которых рекомендовали, в частности Таллинну, ввести русский язык как второй государственный язык, т.е. перейти к стратегии государственного двуязычия, что позволит прекратить массовые нарушения прав жителей [Никифоров 1997].

В государствах СНГ в последнее время публикуются новые законы о языках. В этих законах ради избежания языковых конфликтов желательно установление паритетности русского языка с государственным языком титульной нации. Так, например, статья 7, пункт 2 Конституции Республики Казахстан гласит: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык». Однако в правительственном проекте закона о языках этот конституционно установленный баланс нарушается [Муртазина 1996]. Авторы ведут речь об одном государственном языке, его обязательности для всех жителей, предполагается утверждение списка должностей, для занятий которых необходимо знать государственный язык, а также о квалификационных требованиях по государственному языку.

В Российской Федерации проводится работа по поддержке русского языка в СНГ и странах Балтии: 1) принята программа «Русский язык»; 2) готовится проект закона о защите русского языка; 3) В Государственной Думе разработан проект модельного закона о принципах языковой политики в СНГ; 4) комитеты Думы готовят конвенцию о языковой политике в СНГ; 5) Государственная Дума проводит слушания по проблемам русской культуры и русского языка в СНГ и странах Балтии. Сотрудники Центра принимают активное участие во всех этих работах в качестве докладчиков, консультантов, авторов материалов, рецензентов, экспертов.

В Российской Федерации соотношение законов о языках с языковыми конфликтами несколько иное. Принят Федеральный закон о русском языке как государственном языке Российской Федерации. В 15 из 21 республики

приняты или обсуждаются законы о государственных языках: Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Тува, Хакасия, Удмуртия, Чувашия, Якутия и др. Таким образом, в России формируется языковое пространство смешанного типа – из 89 субъектов Федерации большинство заселены преимущественно русскими, поэтому на их территории действует один государственный язык – русский. Республики России являются национально-государственными образованиями, поэтому имеют право объявлять государственный язык. В республиках формируется языковое пространство с двухкомпонентной или многокомпонентной моделью – это зоны «государственного двуязычия, многоязычия», т.е. совместного функционирования в республиках двух или нескольких (от 2 до 14) государственных языков. Частично повторяется языковая ситуация, характерная для бывшего СССР. Видимо, это неизбежно, так как Российская Федерация повторяет национально-государственное устройство СССР [Mikhailchenko 1998].

Встает вопрос: возможны ли языковые конфликты в Российской Федерации? Склонно ли единое языковое пространство России к фрагментации, распаду? Наши наблюдения над языковыми процессами в РФ свидетельствуют о том, что такая опасность существует. Наличие двух государственных языков на одной территории создает предпосылки для соперничества носителей этих языков, для вытеснения одного языка другим, для использования языка в политических целях. Например, в республике Тува, по свидетельству местных ученых, на работу предпочитают принимать людей, знающих оба государственных языка – русский и тувинский [Мартан-оол 1994, 143-150]. Естественно, легче на работу устроиться билингов тувинцу, чем монолингов русскому. Требование знания государственного языка является естественным, но оно вызывает протест русского населения, составляющего в Российской Федерации абсолютное большинство населения – 93,7%. Русские не стремятся к овладению республиканским государственным языком и по той причине, что в России немало титульных наций, которые сами плохо владеют родным языком, получившим статус государственного. В этом случае необходимо повысить социальный престиж республиканского государственного языка – путем овладения им и использования его в разных сферах общения самими носителями языка. Только после этого можно ставить вопрос о его распространении на чужую языковую общность.

Другой пример. В мае 1998 г. в Конституционном Суде рассматривались запросы депутатов Государственной Думы: соответствует ли Конституции Российской Федерации требование к кандидату в президенты республики Марий Эл и Башкортостана знать государственный язык соответствующей республики. Мне приходилось представлять Центр в этом судебном процессе. Рассмотрев наши экспертные заключения, представители

республики Марий Эл согласились с нашими рекомендациями и сняли свой иск. Суд по вопросу о Башкортостане состоялся. Конституционный суд признал право республики придавать статус государственного языкам народов республики, а также право требовать знания государственного языка при регистрации кандидата в президенты. Однако вынес рекомендации: 1) при реализации этого права учитывать переходный период, 2) хорошо организовать этот переходный период, 3) четко определить критерии оценки знаний, объем знаний. Иначе говоря, вначале государство создает условия для овладения этим языком, дает достаточный срок на овладение государственным языком, лишь после этого может требовать с граждан знания языка.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации проходит языковая реформа, основной целью которой является изменение характеристик языкового пространства: расширение социальных функций языков титульных наций, получивших статус государственных, и, соответственно, сужение в некоторых сферах общения в национальных республиках функций русского языка – языка единения всей страны. Языковая реформа – длительный процесс, который сопровождается переходом языковой жизни РФ в область юридической регламентации, дающей возможность юридически закрепить функцию государственного языка единого языкового пространства России за русским языком, а языковой суверенитет республик реализовать через языки титульных наций, получивших статус государственных. Следовательно, делается попытка соблюдать общегосударственные интересы и интересы отдельных регионов России, что должно способствовать гармоничному функционированию единого многонационального языкового пространства Российской Федерации.

В большинстве других республик СНГ и Балтии законы о языках используются с целью форсированного формирования моноэтнического государства, что вызывает процессы ассимиляции (натурализации), вытеснение родных языков и культур из жизни многочисленных языковых общностей. Это ведет к языковому дискомфорту иноязычных жителей, к ущемлению их прав, к национально-языковым конфликтам.

Язык, человеческим обществом созданный для общения, единения, используется для разобщения, противопоставления разных групп населения во многих республиках СНГ. С другой стороны, на обширных территориях бывшего СССР только начинается формирование гражданских общностей, которые с течением времени должны стать главными в государствах СНГ и Балтии. Тогда языковые проблемы в этих странах, возможно, не будут ставиться так остро и языковые конфликты останутся в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусов В.Н.* Об основных тенденциях употребления русского языка в странах СНГ и Балтии // «Русский язык как государственный». Материалы международной конференции (Челябинск, 5–6 июня 1997 года). М., 1997.
- Белоусов В.Н., Григорян Э.А.* Русский язык в межнациональном общении в Российской Федерации и странах СНГ. М., 1996.
- Кондрашкина Е.А.* Проблемы функционирования национальных языков в качестве государственных // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Мартан-оол М.Б.* Динамика социальных функций тувинского языка в средствах массовой информации (1989–1994) // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.
- Михальченко В.Ю.* Законы о языках: социолингвистический аспект // Русский язык и литература в киргизской школе. Фрунзе, 1991, № 3.
- Михальченко В.Ю.* Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.
- Михальченко В.Ю., Пиголкин А.С.* Юридические аспекты языкового вопроса в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.
- Муртазина Л.* Конфуз о языках // «Правда», 24.03.96.
- Никифоров И.* Европа рекомендует Таллинну ввести русский язык как государственный // «Независимая газета», 14.09.97.
- Mikhailchenko V.* Methodological problems of ethnic and language processes in the Russian Federation // Ethnicity and language community: an interdisciplinary and methodological comparison. Udine, 1998.

Н Н СЕМЕНЮК

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В ЭПОХУ НЕМЕЦКОЙ РЕФОРМАЦИИ (ЛЮТЕР И КАРЛШТАДТ)

Цель настоящей работы отнюдь не в развернутом сопоставлении языка двух выдающихся деятелей Реформации – Лютера и Карлштадта. Для этого нет еще достаточных предпосылок, и прежде всего потому, что мало изучен язык Карлштадта, наследие которого составляет около 50 написанных по-

немецки произведений – это послания и полемические произведения, проповеди и письма. В краткой статье на основе данного материала могут быть высказаны лишь некоторые общие соображения о месте традиции и роли личности в историческом развитии языка.

На каждом новом этапе перед обществом возникают новые задачи, и смена исторических условий неизбежно приводит к преобразованию языковой традиции. Определенную роль в ее подтверждении или изменении играют и отдельные носители языка, причем важными оказываются многие их характеристики – социальная позиция, цели и размах их деятельности, ее адресаты. Существенны и их индивидуальные особенности, в частности степень языковой одаренности.

Отношение личности к языковой традиции должно в принципе рассматриваться в двух аспектах. Первый из них связан с анализом разнообразных причин, определяющих характер индивидуального языкового творчества и его отношение к уже существующей языковой традиции. Второй определяет влияние личности на последующее языковое развитие, ее ролью в создании новой или в преобразовании старой традиции. При этом определяющим моментом для судьбы отдельных авторов и их произведений нередко оказываются не только сами языковые признаки, но и разнообразные внешнеисторические обстоятельства. Среди них важную роль играет отношение общества к личности автора, его роль для истории и культуры последующих поколений.

Для большинства историко-лингвистических исследований стало аксиомой положение о том, что оценивать деятельность и язык Мартина Лютера необходимо в общем контексте исторической и языковой ситуации того времени. Важным в этом плане является сопоставление языка Лютера с языком современников – как его противников, так и его сторонников и соратников.

Конечно, сразу же приходится отметить, что роль Лютера в последующем языковом развитии несопоставима с ролью его современников прежде всего по причинам исторического порядка. Победа Реформации во многом способствовала распространению того типа языка, который был представлен в произведениях Лютера. Однако немаловажно и то, какие качественные характеристики самого этого языка усиливали его популярность и его влияние.

Лютер отнюдь не был безразличен к языку своих произведений и сознательно стремился использовать обработанную литературную форму языка. Однако он широко привлекал при этом народно-разговорные элементы и добивался ясности, понятности, демократичности языка, не умаляя вместе с тем его стилистических и эстетических достоинств. Как показали исследования последних десятилетий [Kettmann, Schildt 1978; Wolf 1980; Luthers Sprachschaffen 1984], Лютер владел весьма широким диапазоном стилистических средств, и нередко именно жанровая специфика различных произведений определяла дифференцированное и целенаправленное использование

этих средств. Язык являлся для него важнейшим средством в религиозной и политической борьбе, и он сознательно пользовался этим средством.

Если Лютер в определенной степени преобразует существующую языковую традицию в соответствии со своими целями, то Андреас Боденштейн фон Карлштадт, известный под именем Карлштадта, значительно более пассивен в языковых вопросах: он лишь использует то, что уже существовало в языковой традиции. Расхождения во взглядах между Карлштадтом и Лютером касались прежде всего некоторых теологических вопросов. Однако за этими, казалось бы, не столь уж значительными расхождениями, скрывались некоторые важные социальные моменты. Карлштадт оказывается более последовательным в реализации ряда выдвинутых Лютером положений. Будучи священником в Орламюнде, он решительно переходит при богослужении на немецкий язык, способствует удалению из церкви икон и других изображений святых. Особенно существенным было стремление Карлштадта стереть резкую грань между духовным сословием и мирянами. Он исполняет обязанности священника в крестьянской одежде, как один из рядовых членов общины. Карлштадт с самого начала видел опасность перерождения лютеранской церкви в резком противопоставлении духовенства и мирян, в сосредоточении церковной службы в руках духовенства. В условиях разгоравшейся Крестьянской войны такая позиция была чревата определенными политическими и социальными последствиями. Религиозный радикализм – отчасти, видимо, помимо воли Карлштадта – невольно перерастал в радикализм политический. Это чувствует Мюнцер, пытавшийся установить контакты с общиной в Орламюнде и ее пастырем (на что Карлштадт, впрочем, не пошел). Это еще более ясно понимал Лютер, искушенный теолог и политик, нанесший Карлштадту решительный удар. Для него Карлштадт – *Schwärmer*, *Bildstürzer*, *Rottengeist*. Уже после разгрома Мюнцера он очень неохотно принимает оправдания Карлштадта, пытавшегося отмежеваться от Мюнцера и восставших крестьян. Для Лютера Карлштадт – главный враг в теологических вопросах. В своем предисловии к «Оправданию» Карлштадта («Allen lieben Christen...», Wittenberg, 1525) Лютер называет его *meyn höchster feynd... der lere halben* (II, 106)¹. Он подчеркивает невозможность примирения, но старается простить Карлштадта, ибо христианину следует прощать своих врагов (II, 106-107). Лютер даже снимает главную вину с крестьян, считая, что более виновны плохие князья и высшее духовенство (*Bischöffe*): он жалуется на отсутствие «ответственных проповедников» (*rechtschaffenen predigern*), тем самым косвенно подтверждая вину Карлштадта.

Нужно сказать, что и сами оправдания Карлштадта довольно неловки и противоречивы. Боясь за свою жизнь, он вынужден размежеваться с Мюнцером и вместе с тем он просит простить его, вернее надеется, что тот понял бы

¹ Здесь и далее ссылки и примеры приводятся по изданию: *Karlstadts Schriften aus den Jahren 1523-25*. T. I. Halle/Saale, 1956; T. II. Halle/Saale, 1957.

и простил его, если бы был жив. Отношение к крестьянам у Карлштадта также довольно сложное. Он приводит примеры своих столкновений с восставшими крестьянами, когда он сам, его жена и ребенок подвергались на дорогах нападениям и им грозила смертельная опасность. Да, он принимал пищу и кров у крестьян на своем пути, но что ему оставалось делать! Все же Карлштадт решительно отвергает версию о том, что крестьяне считают его своим вождем. Конечно, официальное покаяние Карлштадта скорее скрывает, чем обнаруживает настоящую позицию виновного. Но даже угроза смертельной опасности, нависшая над ним, не может смирить Карлштадта, и среди покаяний вдруг звучат обвинения в адрес Лютера. Они построены столь же противоречиво, как и его оправдания: сначала Лютер для него – «уважаемый и высокообразованный доктор М. Лютер» (*der erwidig achtpar vnd hochgelert D.M. Luther*), а затем следуют обвинения против него, так ославившего Карлштадта: *Der mich für eynen rotten geyst und auffrührer ynn die welt öffentlich geschriben /vnd mich des Müntzers gesellen schild* [Karlstadt II, 109].

И здесь мы подходим к моменту, очень для нас важному. Продолжая «обвинять обвинителя», Карлштадт подчеркивает, что Лютер ославил его *mit solchen mechtigen worten / vnd wolgestellter red* («такими мощными словами / и столь складными речами») */das die eynfeldigen nicht anders glewben / denn das ich an dem Müntzerischen auffrur schuld hab / Daraus gekommen / des eyn nachpur dem andern vber die gassen mich als eynen auffrührer / zuger uffen hat* [Karlstadt II, 109].

Итак, именно сила и красота языка Лютера придали убедительность его обвинениям, и все им поверили. Таково своеобразное признание исключительных стилистических достоинств речей и трудов Лютера со стороны его противника.

Что же касается Карлштадта, то его язык был тесно связан с традициями письменности того времени, а его стилистические возможности были по сравнению с языком Лютера гораздо более ограниченными. Известный радикализм теологических – и как следствие – социальных воззрений Карлштадта не находит прямого отражения в его языке. Описание некоторых особенностей языка Карлштадта в сопоставлении с языковым употреблением у Лютера, Мюнцера, Экка, Агриколы и Мурнера и др., представленное в фундаментальном исследовании по языку периода Реформации и Крестьянской войны, дало в известной мере парадоксальный результат.

Это исследование обнаружило в текстах, принадлежащих Карлштадту, весьма небольшую распространенность конструкций, имитирующих «разговорность» (Й. Шильдт), использование им значительного числа приводимых без пояснений иностранных слов (Г. Кеттман), преобладание книжных форм относительной связи атрибутивных предложений (Г. Шиб), стертость большинства метафор и нейтральность фразеологии (В. Пфайфер) и т.п. [см.

Kettmann, Schildt 1978]. Впрочем, при обозначении людей у Карлштадта обнаруживаются элементы своеобразного гробианизма, проявляющегося в определенной части названий и характеристик (Ф. Пенсел). Лютера он называет, в частности, слепым поводырем, предводителем слепцов, соблазнителем, лгуном, бесстыдной мордой (*ein blinder leidter, meyster der blinden, verführer, lügner, das vnerschembt mau*) и т.д.

Характерно, что Карлштадт плохо владеет средствами сатиры и иронии, которыми в совершенстве владел его противник. Вольфганг Прайфер пишет на основании обследованной им метафорики, характеризуя наиболее общие признаки языка Карлштадта: «Карлштадт пишет “усредненным” нейтральным языком, в котором можно обнаружить лишь весьма немногие народные черты, языком, который остается весьма сдержанным и не использует выразительные средства массовой литературы» (цит. по: [Kettmann, Schildt 1978, 133]).

Ученый теолог, профессор университета, занимающий в церковной иерархии достаточно высокий пост, он не владеет, подобно Лютеру, красочным народным языком, хотя у него не так уж мало элементов разговорной речи (представлена конструкция с *thun*, имеются эмоционально окрашенные выражения и сравнения типа: *als ein geil kalp vber frischer weide vnd vber newen suessen graße (springen); die psaffen stincken frü.nach wein vnnnd bier; als butter an der sonn/vnd ein dieb am galgen; so felles tu mir in meine rede (als ein bawer) vnnnd wilt mich beschämen.*

Решающими моментами являются, с моей точки зрения, отсутствие у Карлштадта той яркой языковой одаренности, которая характеризовала Лютера, и того сознательного стремления превратить язык в орудие борьбы за свои идеи, которое было свойственно последнему.

Таким образом, на примере Лютера и Карлштадта выявляется отсутствие однозначных форм связи социальных и языковых характеристик. Радикализм ряда теологических, а как следствие, и социальных воззрений Карлштадта не находит прямого отражения в его языке, гораздо более традиционном, чем язык Лютера, более вялом, менее образном, а в отдельных своих признаках — и более книжном. Впрочем, как о том свидетельствует исследование В.Г. Адмони, признаки книжности языка Лютера и Карлштадта при сопоставлении отдельных текстов сильно колеблются то в одну, то в другую сторону: так, средний объем цельного предложения и степень его сложности у Карлштадта, по его данным, меньше, чем у Лютера (ок. 24 слов и ок. 22 слов); соотв. 2,5 и 3,5 элементарных предложения в среднем на одно цельное предложение [Адмони 1966, 180 и сл.]. Конечно, выбор иных текстов может дать и другие данные. Что же касается афинитной структуры придаточного, то она относительно продуктивна лишь в официальных по характеру письмах Карлштадта.

Его язык отличается вместе с тем известным однообразием риторических приемов и стилистических средств. Так, обращает на себя внимание обилие в текстах традиционных парных (реже – тройных) словосочетаний самого различного типа, постоянное повторение которых придает монотонность строению его текстов. Ср.: *klein oder gering; thun vnd reden; reine vnd sauber; liebß vnd grimmig, gut vnd bose; günstig vnd gnedig; fleyssig vnd sittsam, in seiner glid vnd hizz; schlachtere y oder metzeln; widder zeyt noch weile; in ...verachtung oder unachtung vnd vergessung; mit zungen, mit worten; ... vnd kurret vnd hagelt.*

По данным исследования Й. Шильдта, особенно широко используются Карлштадтом риторические вопросы, тогда как другие имитирующие «разговорность» средства применяются гораздо реже.

Впрочем, Карлштадт и сам сознает недостатки своего языка и преимущества Лютера в этом отношении, но вместе с тем он подчеркивает и сильную сторону своих книг, заключающуюся в истинности развиваемых здесь положений, угодных Господу. Ср.: *Dazu habe ich andere bucher geschrieben / der ich mich sus grosser not rumen muß / ob si nit zierlich vnnnd geschmuckt / als D.Luthers bucher /seynd sy doch WARHAFFTIG vnd GOTTLICH / als der Propheten vnd Aposteln Bücher [Karlstadt II, 67].*

Итак, Карлштадт в основном довольствуется тем, что прочно опирается на языковую традицию своего времени. Лютер, также во многом используя существовавшие традиции употребления письменного языка, одновременно стремится преобразовать и развить эти традиции – и более всего – в стилистической сфере. Он расширяет диапазон средств, обеспечивающих выразительность и ясность языка, включая в литературно обработанный текст важнейшие признаки народной речи. Он стремится к дифференцированному употреблению языковых средств в различных жанрах и делает существенные шаги на пути освобождения немецкого языка от канцелярских штампов. Определенные свойства его личности выступают в этой ситуации на первый план, дополняя разнообразные религиозные, социальные и политические мотивы его деятельности. Литературное творчество Лютера обнаруживает и демонстрирует бесспорное соответствие его языка тем широким социальным задачам, которые перед ним стояли, а развитая и обогащенная в произведениях Лютера, литературная традиция в известной мере продолжала существовать и за пределами XVI столетия. Напротив, Карлштадт и его деятельность, гораздо более узкая по своим масштабам, были преданы забвению, а его литературное творчество по причинам исторического порядка, а также по собственно языковым характеристикам и по степени мастерства автора не могло оказывать влияния на последующее языковое развитие.

При переходе к XVII в. отступают на задний план и оказываются в значительной мере утраченными традиции народной языковой культуры предыдущего периода. Происходит резкая смена существующих видов и жанров

письменности и начинают культивироваться высокие жанры художественной литературы – трагедия, поэзия, галантно-героический роман. Но если в значительной степени были преданы забвению деятельность и произведения многих соратников Лютера, то роль языка самого реформатора в качестве образца дальнейшей нормализации немецкого литературного языка еще долгое время сохраняется.

Основателем немецкого литературного языка называет Лютера Опиц (1624), и ссылки подобного рода встречаются в течение всего столетия, определяя ретроспективный по преимуществу характер нормализационных процессов данного периода. Однако стилистические характеристики языка Лютера, его установка на обработку народного языка, его ясность, простота, демократичность оказываются в значительной мере чуждыми языковой культуре данного столетия. Стилистическая одномерность поэтического языка барокко нарушается лишь в отдельных произведениях «низовой» народной литературы – в сочинениях Мошероша, Гриммельсгаузена, Логау, где в известной степени находит продолжение лютеровская традиция [Henne 1966].

В XVIII в. ссылка на язык Лютера как на основу нормализации становится все более редкой и приобретает чисто формальный характер. Конрад Бурдах отмечает, впрочем, что и для XVII в. ориентировка на нормы Лютера является лишь данью традиции и постепенно она теряет всякое соответствие реальному положению дел [Burdach 1926, 38].

Однако развитие художественной литературы, особенно интенсивное со второй половины XVIII в., становление литературного течения «Штурм унд Дранг» с его интересом к нелитературным и архаическим слоям языка неожиданно вновь возрождает и интерес к Лютеру – на этот раз уже не к формальной стороне его языка, которая теперь и вовсе устарела, а к его стилистическому мастерству, к народности и мощи его языка. Снова перед литературой встает проблема расширения стилистического регистра письменнолитературного языка, преодоления тяжеловесности и громоздкости синтаксиса, задача всемерного обогащения лексики. Таким образом, при переходе от XVII к XVIII в. меняется функциональная и социальная позиция и соответствующая оценка лютеровского языка. Из основы нормализации он окончательно превращается лишь в один из стилистических образцов, открывающих возможности использования немецкого языка как формы литературной экспрессии. На него стремятся опереться особенно те авторы, которые поддерживают и культивируют – уже на новом историческом этапе – литературный немецкий язык как обработанный и обогащенный народный язык. Таким образом, для писателей второй половины XVIII в. (Клопшток, Гаман, Гердер, Гёте, Шиллер) обращение к языку Лютера и языку Библии означает, конечно, не ориентацию на лютеровские нормы, решительно отвергнутые еще Готтшедом, но поиски источников обогащения поэтического языка эпохи.

Характерно, что Гердер, теоретик «Бури и натиска», высоко оценивая язык Лессинга, сопоставляет его именно с языком Лютера.

Сам искусный стилист, Гердер точно уловил в языке Лютера как раз то, что составляло его наиболее сильную сторону, а именно – мастерское владение разнообразными стилистическими приемами и средствами формирующегося литературного немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В.Г.* Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966 (см. особенно табл., с.180 и сл.).
- Burdach K.* Vorspiel. Gesammelte Schriften zur Geschichte des deutschen Geistes. Halle/Saale, 1926.
- Henne H.* Hochsprache und Mundart im schlesischen Barock. Braunschweig, 1966.
- Kettmann G., Schildt J. и др.* Zur Literatursprache im Zeitalter der frühbürgerlichen Revolution. Untersuchungen zu ihrer Verwendung in der Agitationsliteratur. Berlin, 1978.
- Luthers Sprachschaffen. Gesellschaftliche Grundlagen. Geschichtliche Wirkungen,* hrsg. v. J. Schildt // Linguistische Studien, Reihe A, № 119/I, 119/II, 119/III. Berlin, 1984.
- Syntaktisch-stilistische und lexikalische Untersuchungen an Texten aus der Zeit des Großen Deutschen Bauernkrieges// Linguistische Studien. Reihe A, № 70.* Berlin, 1980.
- Wolf H.* Martin Luther. Eine Einführung in germanistische Luther-Studien. Stuttgart, 1980.

Э.Р. ТЕНИШЕВ

ТУВИНСКОЕ ПЛЕМЯ КЁКМУНЧАК ИЗ СИНЬЦЗЯНА

В октябре 1956 г. казахский отряд 6-й бригады лингвистического экспедиционного отряда АН КНР обследовал группу Кёкмунчак (букв. 'голубые бусы') в Алтайском округе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Кёкмунчаки обитают главным образом в крайней северо-западной области страны – в местностях Ханас и Акхаба. Остальная часть населяет местность Кёксув уезда Алтая и уезд Фувэнь. Кёкмунчаков насчитывается около 1500 человек. Они исповедуют ламаизм. Письменности своей не имеют. Дети кёкмунчаков учатся в монгольских и казахских школах. Функциональные

потенции родного языка сильно ограничены. Изучение языка кёкмунчаков ведется китайскими специалистами¹.

Ниже впервые публикуется небольшой текст на кёкмунчаковском языке, записанный лингвистическим отрядом в октябре 1956 г.

Рассказ

1. Bistiñ bir möl dep äjtürbfs. Möldin ištinen bo dılıbfs qajın ünüp gelgenin bis bilbes. Ol bodu bodubustı görsä, möl dep amtan äjtür. Öñ arazında mindiy başqa dılıbfs bar, çoym onı bilbes dildin başqazın. Bodubustın sögübüs möl dep äjtürbfs.

2. Bistiñ duwa dılıbisti kemžiktiñ duwazı dep žurtunda dil dep diñnərbis. Ünün gëp biska dil bolıyan. Bisten döj dildiy žurt ol dep diñnərbis. Ünün başqa žerdä indiy dil çoq.

3. Bistiñ duwanın ištindä ängilär bolur. Bo ängilärnün adı: gok munžaq dep baza xarasojan, šanayaš, xaratöš, aqsojan dep bir žeža türgä ülänir. Boñ dili žağyıs duwa dıldan domaqtazır. Boza bottarında adırmıs üzük çoq, bištın er üzü ištigi möldin üzü bilen qadar möldin üzünen bištiner. Munün başqa bolarnın bodunya attıy biçir üzü çoq.

Перевод

1. Нас некими монголами называют. Как из монгольского [языка] возник наш язык, мы не знаем. Если посмотреть нас самих, [каждое] живое существо скажет – монголы. В то же время у нас есть этаким другой язык, именно ино-го языка мы не знаем. Наши собственные племена мы называем «монголы».

2. Наш тувинский язык произошел, мы слышали, из языка тувинцев страны Кемчика. Придя оттуда, он стал нашим языком. Наша страна стала страной вот этого языка. Вследствие этого в других местах подобного языка нет.

3. У нас, тувинцев, есть свои названия: гёкмунчак, некоторые говорят – хара соян, шанагаш, харатёш, аксоян, т.е. несколько разновидностей. Наш язык подобен только тувинскому языку. У нас (у тувинцев) отличия нет, у нас пять групп, сколько и у внутренних монголов, т.е. у них тоже пять групп. Кроме этих названий других маленьких подразделений у нас нет.

¹ С. Сат и Л. Доржу. Изучение тувинского языка в Китае // Советская порколо- гия. 1989, № 5, с.93-96.

I. Гласные фонемы представлены двумя рядами по признаку краткости и долгие.

1) краткие гласные: *a, e, i, u, ü, o, ö*.

2) долгие гласные: *ā, ē, ī, ū, ū̄, ō, ȫ*.

Долгие гласные – производные, следствие выпадения согласных *γ, g, j, l, ŋ* и стяжения соседних гласных: *mā* (<*moyol*) ‘монгол’, *ōŋ* (<*onūŋ*, род.п. от *ol*) ‘его’, *sōk* (< *sōjek/sōŋek*) ‘кость’, *gēp* (< *gelip*) ‘придя’.

В отличие от литературного языка и диалектов отсутствует ряд фарингализованных гласных. Гармония гласных по негубному ряду выдерживается последовательно: *bistig* ‘наш’, *dilibis* ‘наш язык’, *ājīrbis* ‘мы говорим’.

По губному ряду в непарных слогах могут быть только узкие *u, ü*, т.е. широкие *a, e* – не огубляются: *bodu* ‘он сам’, *bodubustī* ‘нас самих’, *mutūn* ‘этого’, *sōgübūs* ‘наш род’, *ünür* ‘выходя’.

Количество и качество согласных совпадает с таковыми в литературном тувинском языке, за исключением согласных *φ, ц, ш*.

В потоке речи начальные глухие в позиции перед, после или между гласными или сонорными озвончаются: *bodubustī görsā* (вм. *bodubustī körsā*) ‘если посмотреть на нас’, *unūn gēp* (вм. *unūn kēp*) ‘придя оттуда’, *dili žayŋis* (вм. *dili čayŋis*) ‘язык именно’, *üzü žoq* (вм. *üzü čoq*) ‘перерыва нет’, *bašqa žerdä* (вм. *bašqa čerdä*) ‘в другом месте’.

Глухие гласные в середине слова между гласными приобретают качества звонких: *adī* (от *al*) ‘имя его’, *arazinda* (от *arasī*) ‘между (ними)’, *baza* (от *basa*) ‘и, еще’.

Некоторые слова с заднерядными гласными трансформируются в слова с переднерядными: *āngi* ‘другой, отдельный’ вм. лит. *aŋŋi*. Вм. лит. *iiva* ‘тувинец, тувинка’ употребляется *duwa*.

II. Множественное число существительных имеет формант с вариацией по линии начальных согласных (*/n/d/t/*): *āngilār* ‘различия’, *bottarinda* ‘у нас’.

Форма принадлежности в 3-м лице имеет показатели – *-i, -zi*: *adī* ‘его имя’, *duwazī* ‘тувинец (его)’, 1-е лицо мн. числа отличается от литературной нормы начальным *b* вм. *v*: *dilibis* (лит. *dilivis*) ‘наш язык’, *sōgübūs* (лит. *sōgüvūs*) ‘наше племя’.

Склонение существительных совпадает по форме со склонением в литературном языке. Исходный падеж от указательного местоимения *ol* ‘тот’ имеет форму *unūn* ‘оттуда’ вм. лит. *ōn*, от местоимения *bo* ‘этот’ – *mutūn* вм. лит. *mōn*.

Настояще-будущее время изъявительного наклонения образуется посредством аффиксов *-ar/-er*, *-ir/-ir*, *-ur/-ür*, *-r*: *dīgnārbis* 'мы слушаем', *ājūrbbis* 'мы говорим', *ülānir* 'делится', *bolur* 'будет, станет'. Отрицательная форма имеет формант *-bas/-bes*, *-pas/-pes*: *bilbes* 'мы не знаем'.

Количество показателей настоящего-будущего времени превышает их число в литературном языке. Форма условного наклонения, образующаяся с помощью аффикса *-sa/-sä* (*gōrsa* 'если посмотрит') совпадает с формой в тоджинском диалекте и отличается от литературной (*barzīmza* 'если я пойду', *barzīgza* 'если ты пойдешь', *barza* 'если он пойдет' и т.д.).

III. Статус речи кёкмунчаков М.Монгуш определяет как «очень специфичный диалект тувинского языка» (*a very specific dialect of the Tuvian language*)². В тексте есть указание, что «наш тувинский (т.е. кёкмунчакский. – Э.Т.) язык произошел из языка тувинцев страны Кемчика». Это указание ведет территориально к центральному и западному диалектам тувинского языка. В текстах много общего с нормами литературного языка, в основе которого лежат данные именно центрального диалекта.

Следовательно, речь кёкмунчаков, имеющую некоторые отличия в области словоизменения местоимения и глагола, можно считать говором центрального диалекта. Кёкмунчакский говор хранит в себе реликтовую черту – отсутствие фарингализации. Иными словами, он отделился от тувинского языка в ту далекую пору, когда в последнем фарингализация гласных еще не было. М. Монгуш, ничем не аргументируя, полагает, что это отделение произошло более 200 лет назад³.

Фарингализация – это не просто адаптирование какого-либо звука или явления, а перестройка всей вокалической системы тувинского языка. Начальный период этого процесса можно видеть на примере саларского языка, где аспирация шумных смычных глухих развилась примерно в течение 500 лет. Для развития фарингализации в тувинском языке, можно полагать, необходимо было не меньше время.

² Marina Mongush. Tuvians in China: problems of history, language and culture // *Central Asian Survey* (1995), 14(4), p. 547.

³ Там же, p.547.

КОРЕЙЦЫ В СНГ – ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ (АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ДАННЫХ ВСЕСОЮЗНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.)

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории СНГ, в том числе в России, проживает 438 тыс. 650 корейцев. Они занимают 27-е место по численности среди национальных меньшинств СНГ. Их языковая ситуация формировалась под влиянием ряда факторов, которые мы считаем необходимым отметить.

Во-первых, корейцы, о которых идет речь, оказались в бывшем СССР, а ныне СНГ, не в результате аннексии их исконных земель, а вследствие переселения. Поэтому их духовные и прочие связи с родным государством сохраняются и поныне.

Во-вторых, в 1937 г. по сталинскому произволу они были депортированы в Среднюю Азию. Такая же участь постигла и некоторые другие народы – немцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, калмыков.

В-третьих, в настоящее время корейцы дисперсно проживают в различных районах бывшего СССР (см. табл. 9). И не только в Средней Азии, в Приморском крае, на Сахалине, но и в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург и др.), причем довольно многочисленными группами.

В-четвертых, корейцы, в отличие от других национальных меньшинств, никогда не имели и не имеют сейчас самостоятельного административного устройства в виде республики, края, области и т.д.

Перечисленные обстоятельства не могли не сказаться отрицательно на развитии национальной культуры и языка корейцев СНГ.

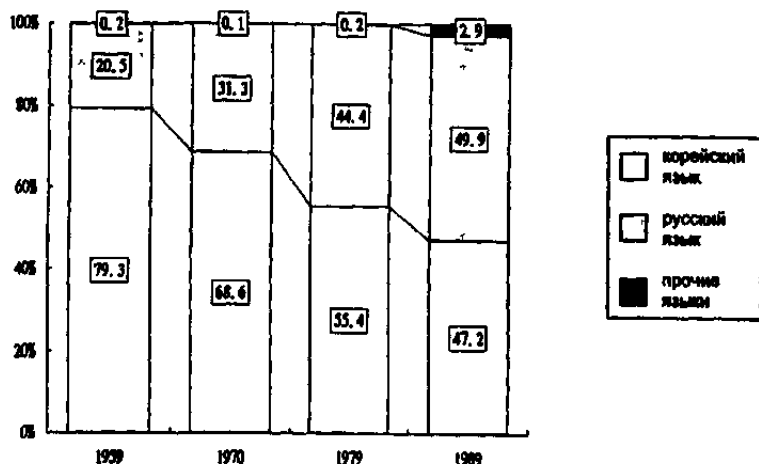
В настоящей статье предпринята попытка описания процесса ассимиляции родного языка у корейцев СНГ, оказавшихся в окружении других народностей. Исходным материалом являются данные Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. Для наглядности текст представлен в виде таблиц и комментариев к ним.

1. Процесс утраты советскими корейцами корейского языка в 1959-1989 гг. (языковая смена)

Языковая смена (language shift) – это замена одного (родного) языка на другой. Языковая смена может быть индивидуальной, если определенный носитель определенного языка заменяет свой родной язык другим, и коллек-

тивной, если заменяется определенный язык у определенного коллектива, например, у какого-либо национального меньшинства.

Таблица 1
Доля носителей корейского и русского языков
у корейцев в 1959-1989 гг.

Как показывает приведенная выше таблица, корейцы быстро утрачивали корейский язык, и его сменял русский язык. Доля носителей корейского языка как родного по отношению ко всем корейцам составляла в 1959 г. 79,3%, и уменьшилась до 47,2% за 30 лет. О быстрой утрате корейцами своего родного языка говорят и сравнительные данные за тот же период по языкам других национальных меньшинств СССР.

Доля носителей своего национального языка по отношению ко всем носителям того или иного языка, принадлежащим к национальным меньшинствам, составляла в 1959 г. 87,6%, а в 1989 г. – 82,8%, т.е. она уменьшилась в этот срок всего лишь на 4,8%. А у корейцев показатель потери родного языка за тот же срок достигает 32,1% – самый высокий среди национальных меньшинств, численность населения каждого из которых составляет не меньше 200 тыс.

Оказалось, что в 1970-1979 гг. потеря родного языка по сравнению с предыдущим периодом ускорялась, а в 1980-х годах замедлялась. Ввиду того, что индивидуальная языковая смена происходит редко, утрата корейцами родного языка непосредственно отражает увеличение в составе населения лиц новых поколений, говорящих на русском языке как на первом.

Таблица 2
Доля носителей национального и русского языков
у национальных меньшинств в 1959-1989 гг.

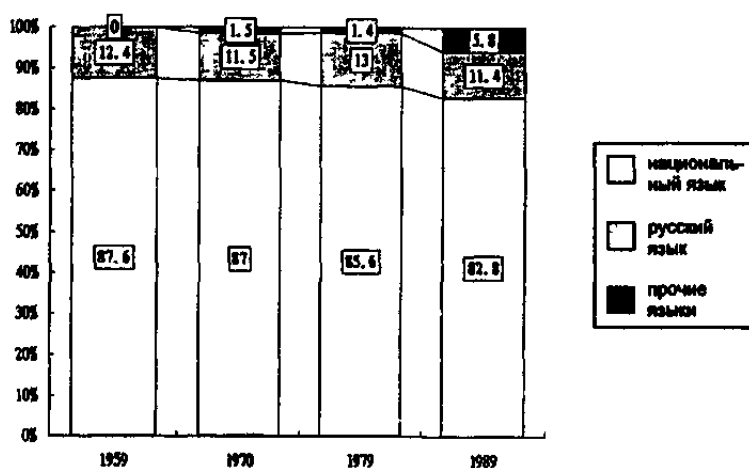

Таблица 3
Показатель потери корейского языка в период между годами проведения
переписи населения

Срок	Показатель потери родного языка за данный срок	Показатель потери родного языка за год
1959-1970	10,7%	0,98%
1970-1979	13,2%	1,45%
1979-1989	8,2%	0,82%

2. Анализ двуязычия корейцев и состава носителей языка

Таблица 4

Языковые данные Всесоюзной переписи населения за 1989 г.

Национальность	Численность населения данной нации	Из них считают родным языком			Свободно владеют вторым языком народов СССР			Не владеют вторым языком народов СССР
		язык своей нации	русский	другие языки	языком своей нации	русским	другими языками	
корейцы	438650	216811	219953	1886	0	189929	16217	232504

Подобные опросы показывают, сколько человек владеет тем или иным языком в момент проведения Всесоюзной переписи населения. Мы называем это «данными, ориентированными на язык (language-oriented data)». Они полезны для того, чтобы установить увеличение и уменьшение числа носителей того или иного языка при диахронном анализе. Однако такие данные не вполне корректны для получения сведений об использовании определенного языка. Во-первых, носители двух языков числятся в таблице дважды, в то время как носители одного языка – один раз. Во-вторых, при диахронном анализе возникает вопрос о том, что именно означает, например, увеличенное число в том или ином столбце – появление новых носителей данного языка в результате рождения или в результате языковой смены. Третий недостаток подобных данных состоит в том, что они не показывают численности групп двуязычных людей – группы носителей корейского языка как родного и русского языка как второго и группы носителей русского языка как родного и корейского языка как второго, а также изменения численности этих групп. Вызывает досаду то обстоятельство, что до сих пор большинство исследований по языковой ситуации в СССР просто предлагало цифры, полученные от данных Всесоюзной переписи населения, без глубокого рассмотрения этих данных. Для того чтобы объективно и конкретно представить языковую ситуацию той или иной нации, нужно дать классификацию носителей языка на определенные группы по их языковой ситуации и провести анализ изменений этих групп. Мы называем такие видоизмененные данные «данными, ориентированными на носителей языка (speaker-oriented data)», а исследование языковой ситуации данной нации посредством классификации носителей языка на несколько групп – «анализом состава носителей языка (speaker composition analysis)». Американский ученый Брайан Сильвер (Brian Silver), опираясь на математическую теорию множеств, предложил метод, с помощью которого получил «данные, ориентированные на носителей языка», ис-

пользуя советские источники (см. список литературы). В языковых данных, полученных этим методом, определенный носитель языка принадлежит к одной из четырех групп, не имеющих совпадающих друг с другом частей, в результате чего можно получить более точную информацию о языковой ситуации. Для советских корейцев выделяются следующие четыре группы носителей языка:

- (1) неассимилированная (unassimilated) группа (далее U) – говорящие только на корейском языке;
- (2) неассимилированно-двуязычная (unassimilated bilingual) группа (далее UB) – говорящие на корейском как родном и на русском как втором;
- (3) ассимилированно-двуязычная (assimilated bilingual) группа (далее AB) – говорящие на русском как родном и на корейском как втором;
- (4) ассимилированная (assimilated) группа (далее A) – говорящие только на русском языке.

Пользуясь этим методом, можно, во-первых, избежать путаницы, вызываемой двойным употреблением языковой информации; во-вторых, ясно выделить двуязычные группы (UB и AB), в третьих, наглядно увидеть процесс ассимиляции, направленный от (1) к (4).

С точки зрения возможности общения (communication) можно охарактеризовать четыре группы носителей языка следующим образом:

У двух соседних групп больше потенциального общения (communication potential), чем у несоседних. Например, группа A может общаться с группой AB легче, чем с группой UB, потому что группа AB использует русский язык как родной, тогда как для группы UB он является вторым языком. Если учесть собственно возможность общения, то можно сказать, что группы A, AB и UB могут общаться друг с другом, по крайней мере, на русском языке. В свою очередь группам AB, UB и U возможно общение друг с другом на национальном языке. Что касается полной невозможности общения друг с другом, то ею характеризуются отношения между группами A и U. Следовательно, можно сказать, что при преобладании групп A и U у той или иной нации ее языковая однородность (linguistic cohesion) оказывается под угрозой.

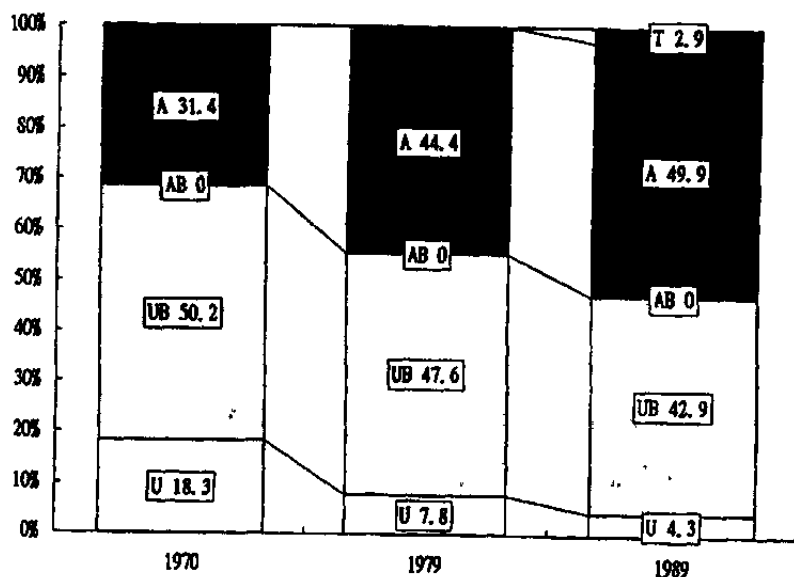
Далее в таблицах представлен состав по указанным выше группам носителей языка у корейцев и у общих национальных меньшинств.

Если сравнить таблицы 5 и 6 друг с другом, то легко можно увидеть, что языковая ассимиляция у корейцев значительно более сдвинута, чем у остальных национальных меньшинств. У общих национальных меньшинств группы, использующие русский язык как родной (A, AB), составляют 10%. К тому же за 1979 – 1989 гг. этот процент уменьшился от 13% до 9,6%. Для корейцев численность этих групп намного увеличилась – от 31,4% до 49,9%, в результате чего сложилась такая ситуация, что половина всего корейского населения владеет только русским языком. Если посмотреть на группы, чле-

ны которых используют язык своей национальности как первый (U, UB), то можно увидеть, что в случае общих национальных меньшинств уменьшение размера группы U компенсировано увеличением размера группы UB. Иными словами, уменьшилось число говорящих только на языке своей национальности и увеличилось число использующих язык своей национальности как первый и русский язык как второй.

Следовательно, размер двуязычных групп (UB и AB) увеличился от 39,1% до 50,4%. У корейцев уменьшение группы U компенсировано увеличением группы A, и доля двуязычия, в отличие от первого случая, уменьшилась от 50,2% до 42,9%.

Таблица 5
Сопоставительные данные (%) по группам
A, AB, U, UB и T для корейцев

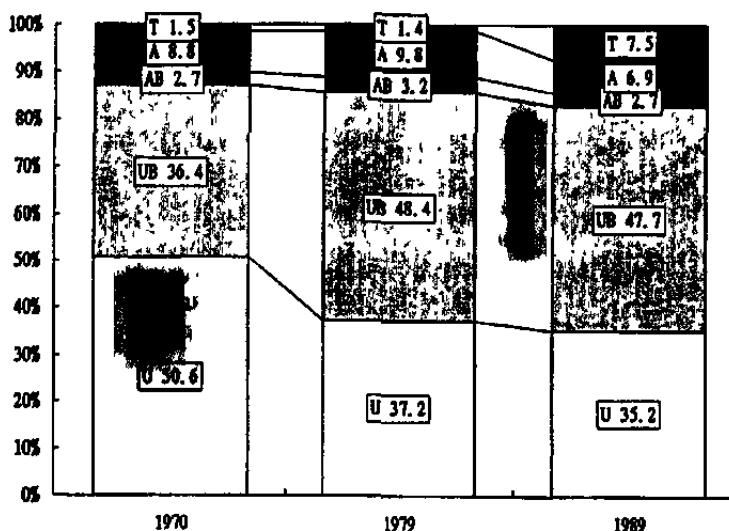

T – доля носителей третьего, т.е. не своего национального, не русского, языка как родного.

В языковой ситуации СССР самой обычной языковой сменой (language shift) считается смена того или иного национального языка как первого у данной нации на русский язык. В этом случае можно назвать то явление, что определенная нация теряет язык своей национальности и полностью ассимилируется с русскоязычными, «языковой сменой с потерей родного языка».

(language shift with mother-tongue loss)», а то явление, что она сохраняет язык своей национальности как второй язык, – «языковой сменой с сохранением родного языка (language shift with mother-tongue maintenance)». У корейцев активно происходит языковая смена первого типа, так что корейский язык утрачивается чрезвычайно быстро.

Таблица 6
Сопоставительные данные (%) по группам
А, АВ, U, UB и Т для общих национальных меньшинств

В анализе состава носителей языка у корейцев стоит отметить, что в трех Всесоюзных переписях населения ни разу не отмечена группа АВ. В статистических данных Всесоюзных переписей населения выяснилось, что нет ни одного человека, владеющего корейским языком как вторым. Иными словами, здесь говорится о том, что среди тех, кто владеет русским языком как первым, нет того, кто владеет корейским как вторым, правда, с этой информацией трудно сразу согласиться. Однако такой же результат анализа, как у корейцев, получился и у таких некоренных народов на территории СССР, как немцы, греки, болгары, поляки и т.п. Это объясняется так. В анкете, розданной людям для Всесоюзной переписи населения, задается вопрос, «свободно ли владеет» отвечающий языком своей национальности. Если это условие

действительно строго соблюдалось, то большинство корейцев, недостаточно хорошо владевших корейским языком, не могло ответить на этот вопрос положительно. Из этого можно сделать вывод, что цифра «ноль» (0) для владеющих языком своей национальности как вторым, объясняется политическим заказом. Поскольку советские власти были против того, чтобы распространились языки национальных меньшинств, можно предположить, что, проводя анкетирование, к определению уровня владения национальным языком они применяли строгие мерки, а к определению уровня владения русским языком – нестрогие.

Если связать языковую ситуацию у корейцев с составом их населения, то можно предположить, что состав носителей языка почти соответствует составу населения по возрасту: по мере того, как уменьшается число лиц старшего поколения, владеющих корейским языком, и увеличивается число лиц нового поколения, использующих русский язык, все меньше и меньше становится случаев сохранения корейского языка. То, что корейский язык не передавался следующим поколениям и не изучался последними, а наоборот, утрачивался – это проблема, которая больше всего нас беспокоит.

3. Сравнение языковой ситуации у корейцев с языковыми ситуациями у национальных меньшинств сходного статуса

В таблице 7 приводятся данные языковой ситуации у корейцев, немцев, болгар и евреев, чьи национальные проблемы в бывшем СССР имели много общего.

Из таблицы следует, что у немцев ассимиляция языка происходит почти на том же уровне, что и у корейцев, у болгар на более низком уровне, а у евреев – на очень высоком. Евреи еще при царском режиме часто подвергались репрессии и до переселения теряли родной язык. Наш анализ языковых данных за 1979 г. показывает, что среди всех переписанных национальных меньшинств самая высокая ассимиляция наблюдается у евреев. Если учесть, что время проживания корейцев на территории СССР короче, чем у немцев и болгар, то можно сказать, что языковая ассимиляция у корейцев продвинулась очень быстро.

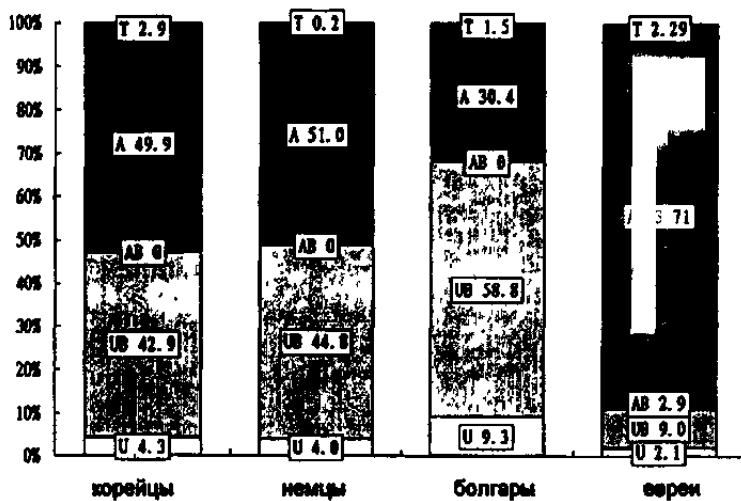
Далее мы собираемся сравнить языковую ситуацию у корейцев с языковыми ситуациями коренных национальных меньшинств, чья численность населения почти такая же, как у корейцев, – лезгин, каракалпаков и бурят. Численность лезгин, каракалпаков, бурят в 1989 г. – 466006, 423520, 421380 человек соответственно.

Языковая ассимиляция у корейцев намного выше, чем у остальных народов, хотя численность населения у них почти одинакова. Итак, можно сде-

лать вывод, что среди тех факторов, которые связаны с языковой ассимиляцией, более существенными, чем численность населения, оказываются история переселения, обстоятельства проживания, уровень приспособления к данным условиям, самостоятельное административное устройство

Таблица 7

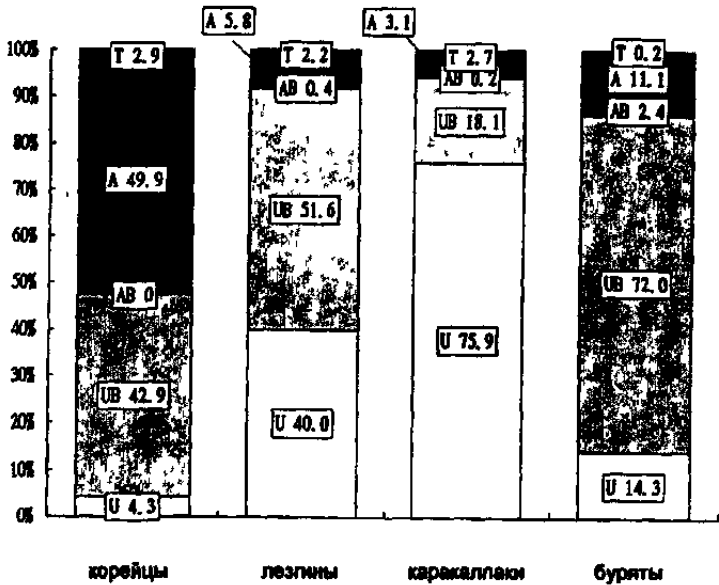
Сопоставительные данные (%) по группам А, АВ, U, UB и Т для корейцев, немцев, болгар и евреев на 1989 г.

4. Анализ языковых ситуаций у корейцев по местам их проживания

В таблице 9 указана численность корейцев в разных местах бывшего СССР на 1989 г. Основными местами их проживания являются Средняя Азия, Сахалин и Приморский край. В таблице 10 содержатся данные относительно языка корейцев, дисперсно проживающих на территории бывшего СССР (использованы только сведения Всесоюзной переписи населения).

Сопоставительные данные (%) по группам А, АВ, U, UB и Т для корейцев, лезгин, каракалпков и бурят на 1989 г.

5. Сравнение языковых ситуаций у среднеазиатских и сахалинских корейцев

На языковую ситуацию у национальных меньшинств, проживающих во многонациональном государстве, существенно влияют социальные и экономические условия. Как сказано выше, корейцы жили в условиях, при которых трудно было сохранить и развить собственную культуру и язык. Очень важно проанализировать уровень языковой ассимиляции корейских групп, проживающих в разных местах СССР, в связи с социальной политикой. Такой анализ поможет сделать предположения о развитии языковой ситуации у корейцев на современном этапе, после распада СССР. Для сравнения привлекаются данные по среднеазиатским и сахалинским корейцам.

Численность корейцев в республиках,
краях, областях и городах бывшего СССР на 1989 г.

Республика	АССР, край, область, город	Численность корейцев
СССР		438650
РСФСР		107051
	Приморский край	8454
	Сахалинская обл.	35191
Украинская ССР		8669
Белорусская ССР		638
Узбекская ССР		183140
	Бухарская обл.	3226
	Самаркандская обл.	8120
	Сыр-Дарьинская обл.	16730
	г. Ташкент	43973
	Ташкентская обл.	76178
	Каракалпакская АССР	9174
Казахская ССР		103315
	г. Алма-Ата	16073
	Гурьевская обл.	3816
	Джамбульская обл.	13360
	Карагандинская обл.	11541
	Кзыл-Ординская обл.	12182
	Талды-Курганская обл.	13581
	Чимкентская обл.	11430
Киргизская ССР		18355
	г. Бишкек (Фрунзе)	10043
Таджикская ССР		13431
	г. Душанбе	6600
Туркменская ССР		2848
Эстонская ССР		202
Латвийская ССР		248
Литовская ССР		119
Молдавская ССР		269
Грузинская ССР		242
Армянская ССР		29
Азербайджанская ССР		94

Таблица 10

Сопоставительные данные (%) по группам А, АВ, U, UB, T
для корейцев, проживающих в республиках,
краях, областях и городах на 1989 г.

Республика	АССР, край, область, город	U	UB	AB	A	T
СССР		4,28	42,87	0	49,93	2,29
РСФСР	Приморский край	3,82	31,85	0	62,84	1,99
	Сахалинская обл.	2,57	22,49	0	73,71	1,23
Узбекская ССР		6,77	29,66	0	63,09	0,48
	Бухарская обл.	5,32	47,28	0	43,60	3,80
	Самаркандская обл.	1,78	31,71	0	63,48	3,03
	Сыр-Дарьинская обл.	3,69	46,65	0	44,68	4,98
	г. Ташкент	4,95	51,69	0	40,40	2,96
	Ташкентская обл.	3,87	41,98	0	52,08	2,07
Казахская ССР	Каракалпакская АССР	6,62	52,68	0	38,52	2,18
		3,78	39,21	0	51,76	5,25
	г. Алма-Ата	3,76	46,69	0	47,87	1,71
	Гурьевская обл.	3,50	46,98	0	48,31	1,21
	Джамбульская обл.	7,29	45,49	0	44,56	2,66
	Карагандинская обл.	2,25	45,34	0	49,84	2,57
	Кзыл-Ординская обл.	1,77	33,58	0	64,01	0,64
Талды-Курганская обл.	6,23	54,48	0	36,31	2,98	
Киргизская ССР	Чимкентская обл.	6,01	60,90	0	32,40	0,69
	г. Бишкек (Фрунзе)	4,23	50,71	0	43,72	1,34
Таджикская ССР		3,29	48,70	0	45,70	2,31
	г. Душанбе	3,25	48,88	0	46,60	1,27
Таджикская ССР		4,21	48,41	0	44,97	2,41
		3,61	48,58	0	45,73	2,08

Корейцы начали переселяться в Россию в 1863 г., после того, как она приобрела по лекинскому договору правый берег р. Уссури¹. В 1869-1970 гг.

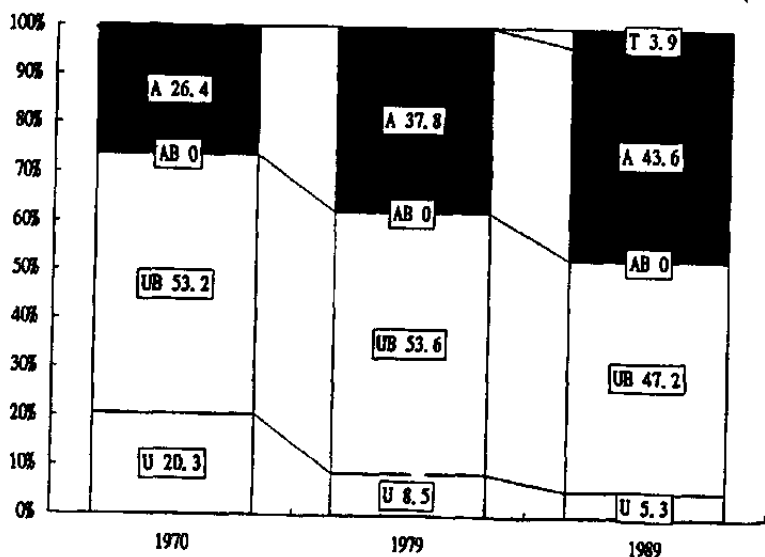
¹ Об истории переселения корейцев в Россию см. [Dae-sook Suh 1987; И Квангю, Чен Кенсу 1993].

Корею постиг голод, и началось массовое переселение корейцев. Переселенцев стало еще больше, когда Корею аннексировала Япония. В 1925 г. 120 тыс. корейцам, проживавшим в Приморском крае, было выдано гражданство СССР, тем самым корейцы официально вошли в состав национальных меньшинств СССР. Но в 1937 г. по приказу Сталина насильственно было переселено в Среднюю Азию 182 тыс. корейцев, и они начали жить в новом месте среди чужих народов. История проживания корейцев на Сахалине начинается с того, что японскими властями сюда были мобилизованы корейские юноши во время Второй мировой войны. Поэтому переселение у среднеазиатских корейцев начинается на 80 и более лет раньше, чем у сахалинских, и в настоящее время в Средней Азии проживают главным образом 4 – 8-е поколения переселенцев. Численность корейцев, проживавших в пяти среднеазиатских республиках, – 321089 человек, что составляло 73,2% всего населения советских корейцев. Из них 286455 человек проживало в Узбекистане и Казахстане, что составляет их подавляющее большинство. Однако на Сахалине проживает сравнительно маленькая группа, состоящая из 35191 человек.

Ниже представлен состав по группам (%) носителей языка у корейцев в Узбекистане, Казахстане и на о-ве Сахалин.

Таблица 11

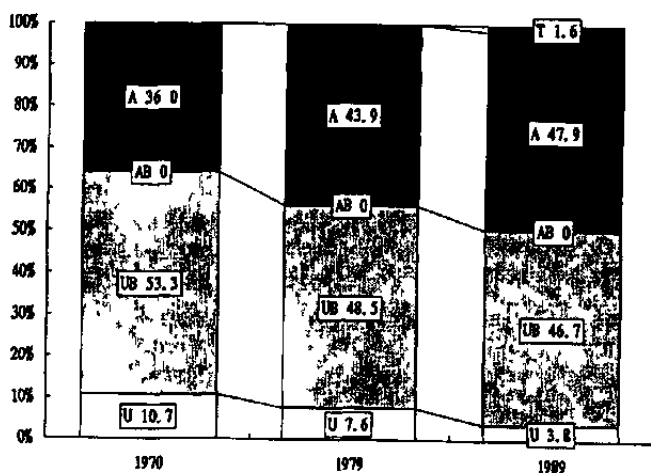
Состав по группам (%) носителей языка у узбекских корейцев

Из таблиц 11, 12 и 13 можно установить важный факт. Всесоюзная перепись населения за 1970 г. показывает, что язык у сахалинских корейцев менее ассимилирован, чем у среднеазиатских. Но выяснено, что в 1989 г. у сахалинских корейцев языковая ассимиляция была значительно большей, чем у среднеазиатских. Группа А, состоящая из тех, кто говорит только на русском языке, составляет 63,5% всего населения сахалинских корейцев – это на 20% выше, чем у узбекских корейцев, и намного выше, чем у всех советских корейцев, у которых группа А составляет 49,9%. То, что сахалинские корейцы, в значительной степени сохранившие родной язык в 1970 г., за сравнительно недолгий срок перегнали по языковой ассимиляции среднеазиатских корейцев, можно объяснить влиянием социальной политики.

Таблица 12

Состав по группам (%) носителей языка у казахских корейцев

Исходя из хронологии переселения корейцев, логично предположить, что язык среднеазиатских корейцев, переселившихся на российские земли раньше сахалинских, более ассимилирован, чем язык последних. Однако в действительности все наоборот. Прежде всего потому, что сахалинская группа меньше по численности, чем среднеазиатская. Убедительно доказано, что, чем меньше численность населения, тем быстрее оно подвергается культурной ассимиляции. Но обнаруживается, что по сравнению с другими национальными меньшинствами численность населения которых почти одинакова с таковой у сахалинских корейцев, ассимиляция у последних все равно происходит очень быстро. Ниже дано сравнение языковых ситуаций у сахалинских корейцев, ненцев (численность населения 34665 человек в 1989 г.) и абазин (численность населения 33613 человек на 1989 г.)

Таблица 13

Состав по группам (%) носителей языка у сахалинских корейцев

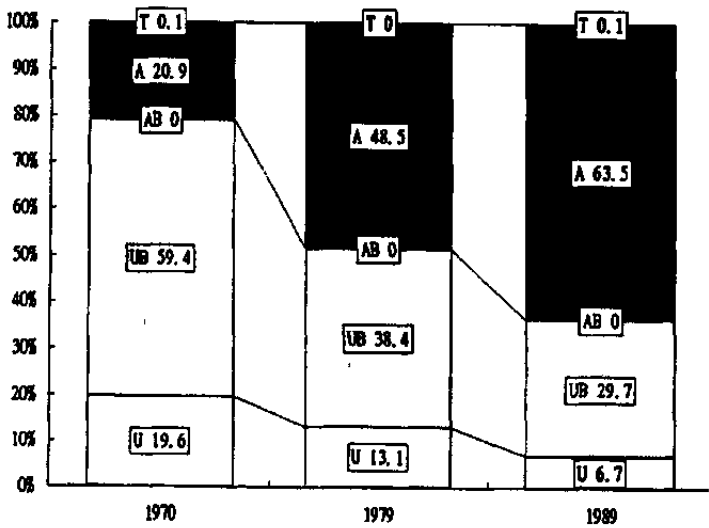
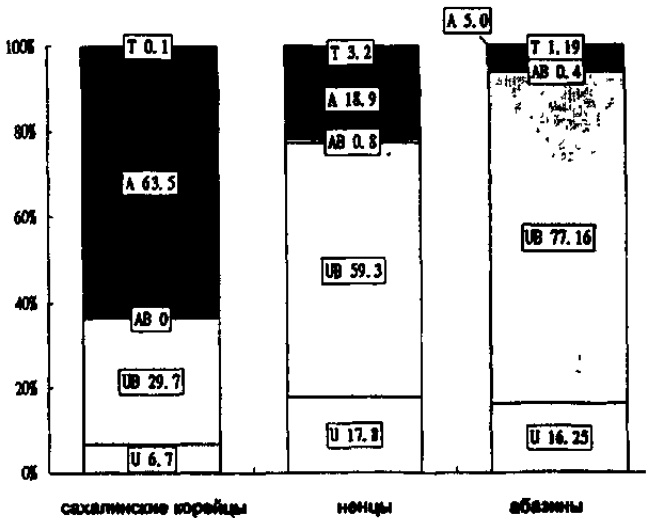

Таблица 14

Состав по группам (%) носителей языка у сахалинских корейцев, ненцев и абазиннов на 1989 г.

Из этого следует, что высокая языковая ассимиляция корейцев зависит скорее от других факторов, чем от численности населения. Во-первых, можно учесть смешение народов с русскими. По Всесоюзной переписи населения за 1989 г. в Узбекистане русские составляют 8,3% всего населения республики, а в Казахстане – 37,8%. А на Сахалине они составляют 81,7% населения. По данным Б.Сильвера, чем большую часть населения составляют в данном районе русские, тем легче ассимилируются с русскими те национальные меньшинства, которые проживают в данном районе [Silver 1974, 51]. Высокий уровень смешения народов приводит к ускорению языковой ассимиляции, создавая большую возможность для языкового контакта (language contact) и социальных связей. Этому в значительной степени способствуют межнациональные браки. Хотя не имеется конкретных статистических данных, легко можно предположить, что у сахалинских корейцев часто происходили браки с русскими, что затрудняло передачу корейского языка следующим поколениям. Второй фактор – это урбанизация сахалинских корейцев. По данным Всесоюзной переписи населения за 1979 г., где рассмотрена численность горожан и селян отдельно, в Узбекистане 57,9% всего населения корейцев проживает в городах, в Казахстане – 73,1%, а на Сахалине – 84,4%.

В исследовании Б.Сильвера одним из факторов ускорения языковой ассимиляции считается урбанизация [там же]. Третий важный фактор – это характер социальной жизни корейцев. Корейцы на Сахалине в основном проживают вместе с русскими, будучи по профессии рабочими, инженерами, служащими и т. п., в то время как в Средней Азии существует множество корейских колхозов, и корейцам легче сохранить тесные связи между собой.

Выяснено, что корейских колхозов насчитывается 18 в Узбекистане, 11 в Казахстане, два в Туркменистане, три в Таджикистане [И Квангу, Чен Кенсу 1993, 137]. Ясно, что языковая ассимиляция у сахалинских корейцев с течением времени ускорится, если социальные условия останутся прежними.

6. Заключение

В течение 30 и более лет у корейцев, проживающих на территории бывшего СССР, быстрыми темпами происходила языковая ассимиляция с русским языком, и корейский язык утрачивал у них свой статус и функцию родного языка. Языковая ассимиляция у корейцев происходила под сильным влиянием социальных условий и обстоятельств, в которых находился данный народ, но можно отметить, что была и другая причина, по которой корейцы сами хотели ассимилироваться с русскими – это желание получить образование и тем самым повысить свой социальный статус.

Огромные изменения в советском обществе, произошедшие после того, как была проведена последняя Всесоюзная перепись населения в 1989 г.,

оказали большое влияние и на жизнь корейцев в бывшем СССР. Наиболее весомыми факторами оказались распад СССР и установление дипломатических отношений с Южной Кореей.

После распада СССР в новых независимых республиках, как широко известно, возникли активные националистические движения. Среди их лозунгов важное место занимали защита родного языка и, следовательно, отказ от русского языка. Поскольку в большинстве национальных республик принимается языковой закон, предписывающий употреблять исключительно язык данной национальности, корейцы, язык которых значительно ассимилировался с русским языком, испытывают на себе новое давление. Помимо русского им приходится осваивать язык коренной национальности (по месту проживания). Кроме того, современные условия жизни требуют знания иностранных языков, чтобы успешно осуществлять хозяйственную деятельность в кардинально изменившихся экономических условиях.

Установление дипломатических отношений между странами СНГ и Южной Кореей пробудили у корейцев бывшего СССР тягу к родному языку. Разумеется, это не только ностальгия по родной культуре, но и появившаяся возможность к налаживанию деловых контактов в разных сферах бизнеса между корейцами СНГ и Южной Кореи.

В наши ближайшие планы входит изучение языковой ситуации у корейцев СНГ, проведение анкетирования среди корейцев бывшего СССР в 7-8 районах. Конкретные данные, полученные в результате анкетирования, могут оказаться полезными при анализе языковой ситуации у других национальных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

- И Квангю Чен Кенсу.* Советские корейцы. Сеул: Чиммундан, 1993.
- Hur Seung-Chul.* Language Shift and Bilingualism in the Soviet Union: language aspect of ethnic relations. Сеул: Ханшин, 1988.
- Silver Brian.* Method of Deriving Data on Bilingualism from the 1970 Soviet Census // *Soviet Studies.* Vol. 27, 1974, № 4.
- Silver Brian.* Social Mobilization and the Russification of Soviet Nationalities // *The American Political Science Review.* Vol. 68, 1974, № 1.
- Suh Dae-sook* (ed.), *Koreans in the Soviet Union.* Honolulu: University of Hawaii, 1987.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. М.: Статистика, 1962.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. – М.: Статистика, 1973.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. – М.: Статистика, 1981.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. – М.: Финансы и статистика. 1991.